

подкупомъ; даже вся французская революція велась при помощи подкупа» ¹⁾).

Затѣмъ Гете передалъ мнѣ, повидимому, глубоко его взволновавшее извѣстіе о смерти Евгенія Наполеона, герцога Лейхтенбергскаго, которое пришло сегодня утромъ. «То былъ одинъ изъ великихъ характеровъ, какія становятся все рѣже», сказалъ онъ, «и міръ все становится бѣднѣе замѣчательными людьми. Я зналъ его лично: еще прошлымъ лѣтомъ мы были вмѣстѣ въ Маріенбадѣ. То былъ красивый мужчина, лѣтъ сорока двухъ, но казался старше, и не мудрено, когда подумаешь, сколько онъ перенесъ, и вспомнишь, какъ въ его жизни походы и великія дѣла спѣшили другъ за другомъ. Въ Маріенбадѣ онъ сообщилъ мнѣ объ одномъ планѣ, и мы много толковали о его исполненіи. Именно, дѣло шло о соединеніи каналомъ Рейна съ Дунаемъ. Гигантское предпріятіе, если подумать о препятствіяхъ, представляемыхъ мѣстностію. Но всякому, кто служилъ подъ Наполеономъ и вмѣстѣ съ нимъ колебалъ міръ, ничто не казалось невозможнымъ. У Карла Великаго былъ уже такой планъ, и онъ приказалъ даже начать работы, но дѣло скоро остановилось: песокъ не держался, и съ обѣихъ сторонъ дѣлались обвалы» ²⁾).

¹⁾ Французскій переводчикъ замѣчаетъ при этомъ: «Гете, очевидно, имѣлъ въ виду Мирабо; но онъ напрасно обобщалъ фактъ и противопоставлялъ Франціи Англію. Вальполь былъ не французскій государственный дѣятель. Я ограничиваюсь этимъ примѣромъ».

²⁾ Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе при баварскомъ королѣ, Людовикѣ, въ 1845.

Понедѣльникъ, 22-го марта 1824.

Передъ обѣдомъ мы поѣхали съ Гете въ его садъ. Въ расположеніи этого сада есть нѣчто успокаивающее; онъ разбитъ на той сторонѣ Ильма, подлѣ парка, на западномъ склонѣ холмистой мѣстности. Закрытый отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, онъ находится подъ теплымъ и живительнымъ вѣяніемъ южнаго и западнаго солнца, и представляетъ весьма пріятное мѣстопробываніе, особенно осенью и весной. Онъ очень недалеко отъ города, лежащаго отъ него на сѣверозападъ, всего въ нѣсколькихъ минутахъ, и однако, глядя вокругъ, не видишь ни строеній, ни шпица башни, ничего, что бы напоминало близость города; высокія и густыя деревья парка застыть съ этой стороны всякій видъ. Паркъ идетъ на лѣво, къ сѣверу, и подъ именемъ «Звѣзды» близко подходитъ къ проѣзжей дорогѣ, которая бѣжитъ какъ разъ передъ садомъ¹⁾.

На западъ и юго-западъ открывается видъ на обширный лугъ, черезъ который, на разстояніи полета хорошей стрѣлы, извиваясь, тихо течетъ Ильмъ. По ту сторону рѣки берегъ опять холмистый; склоны и вершины зеленѣютъ разнообразной листвою ольхъ, дубовъ, бѣлесоватыхъ тополей и березъ, растущихъ въ паркѣ, который въ пріятномъ разстояніи ограничивается съ юга и запада горизонтъ. Этотъ паркъ за лугомъ, особенно лѣтомъ, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто предъ вами лѣсъ, который тянется на нѣсколько часовъ ѣзды. Кажется, что вотъ-вотъ на лужайкѣ покажется олень, или ди-

¹⁾ Садъ этотъ былъ подаренъ Гете великимъ герцогомъ въ 1776.

кая коза. Чувствуешь себя погруженнымъ въ глубокое и мирное уединеніе, и полная тишина нарушается только отдѣльными нотами черного дрозда, или мѣняющейся, черезъ промежутки, пѣсней лѣсного дрозда. Но отъ мечтаній, полныхъ отрѣшенности отъ міра, васъ отвлекаютъ порою бой башенныхъ часовъ, крикъ павлиновъ въ паркѣ, или барабанъ и трубы въ казармѣ. И это не производитъ непріятнаго впечатлѣнія; эти звуки напоминаютъ вамъ, что вы вблизи родного города, откуда, казалось, вы уже далеко.

Въ извѣстные дни и время года эти луга нельзя назвать уединенными. Проходятъ крестьяне въ Веймаръ на рынокъ, или на работу, или возвращаются обратно; то вдоль извилинъ Ильма идутъ всякаго рода люди на прогулку, особенно по направленію къ Обервеймару, который въ нѣкоторые дни посѣщается весьма усердно. Во время косовицы весело оживляется это мѣсто. Затѣмъ тамъ пасутся овцы и рослыя швейцарскія коровы сосѣднихъ экономій.

Но нынче не было и слѣда такой, живящей душу, лѣтней дѣятельности. На лугу виднѣлось только нѣсколько зеленѣющихъ кустовъ; деревья парка стояли еще съ темными вѣтвями и почками; только пѣнье зябликовъ и дроздовъ возвѣщало приближеніе весны. Воздухъ былъ лѣтній, пріятный; вѣялъ чуть замѣтный вѣтерокъ съ юга. По свѣтлому небу проплывали отдѣльныя небольшія тучки; очень высоко виднѣлись расплывавшіяся перистыя облака. Мы внимательно наблюдали облака и замѣтили, что даже скученныя въ нижнихъ частяхъ также расплываются; отсюда Гете заключилъ, что барометръ подымается.

Гете много говорилъ о повышеніяхъ и паденіяхъ

барометра, называя ихъ «утвержденіемъ» и «отрицаніемъ» сырости. Онъ говорилъ о вдыханіяхъ и выдыханіяхъ земли по вѣчнымъ законамъ, о возможности потопа при постоянномъ «утвержденіи» сырости¹⁾. Далѣе, — что увсякаго мѣста есть своя собственная атмосфера, но что все-таки въ барометрическихъ состояніяхъ Европы имѣется большая одинаковость. Вслѣдствіе того, что природа не соизмѣрима и представляетъ большія неправильности, весьма трудно открывать ея законы. Когда онъ излагалъ мнѣ эти высокія понятія, мы ходили взадъ и впередъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ. Мы подошли къ дому, который онъ приказалъ открыть слугѣ, чтобъ показать его мнѣ²⁾. Бѣлыя наружныя стѣны были всѣ окружены розами на шпалерахъ, достигавшими до крыши. Я обошелъ домъ и съ особымъ интересомъ замѣтилъ вдоль стѣнъ, въ вѣтвяхъ розовыхъ кустовъ, великое множество птичьихъ гнѣздъ: они остались съ прошлаго лѣта и теперь, безъ зелени, были видны, особенно гнѣзда коноплянокъ и разныхъ породъ малиновокъ, построенныя выше или ниже, смотря по нравамъ птицъ³⁾.

Гете затѣмъ ввелъ меня въ домъ, котораго мнѣ не удалось осмотрѣть прошлымъ лѣтомъ. Внизу была всего одна жилая комната; на стѣнахъ висѣли карты и гравюры, а также портретъ Гете, въ натуральную величину, писанный Мейеромъ вскорѣ по возвращеніи обоихъ друзей изъ Италіи. Гете имѣетъ видъ сильнаго, среднихъ лѣтъ человѣка, загорѣлаго и нѣсколько толстаго. Выраженіе мало

¹⁾ Ср. ниже подъ 11 апрѣля 1827.

²⁾ Этотъ домикъ существуетъ до сихъ поръ.

³⁾ Эккermannъ былъ весьма внимательный наблюдатель нравовъ птицъ. Его сынъ сдѣлался живописцемъ животныхъ.

оживленного лица очень серьезно,—точно видишь предъ собою человѣка, на душѣ котораго лежитъ бремя будущихъ дѣлъ¹⁾).

Мы поднялись вверхъ по лѣстницѣ; тамъ было три комнатки и кабинетъ, всѣ мелкія и неудобныя. Гете сказалъ мнѣ, что онъ въ прежнее время долго прожилъ здѣсь съ удовольствіемъ и работалъ очень спокойно. Въ комнатахъ было прохладно, и мы вышли опять на теплый воздухъ. Гуляя взадъ и впередъ по главной аллеѣ, на полуденномъ солнцѣ, мы разговаривали о новѣйшей литературѣ, о Шеллингѣ и, между прочимъ, также о новыхъ пьесахъ Платена. Но вскорѣ наши взоры вновь обратились къ окружающей насъ природѣ. Царскіе вѣнцы и лиліи уже пустили ростки, а по обѣимъ сторонамъ дорожки зеленѣли мальвы. Верхняя часть сада, на склонѣ холма, имѣетъ видъ лужайки, гдѣ стоитъ нѣсколько плодовыхъ деревьевъ. Дорожки, извиваясь, бѣгутъ вверхъ, идутъ по верху и снова спускаются; мнѣ захотѣлось посмотрѣть вокругъ сверху. Гете пошелъ быстро вверхъ, впереди меня, и я радовался на его бодрость. Вверху, у изгороди, мы увидѣли паву, зашедшую, вѣроятно, изъ герцогскаго сада; Гете

¹⁾ Кузенъ въ своихъ *Souvenirs d'Allemagne* такъ описываетъ наружность Гете въ 1817 году: «Гете около шестидесяти девяти лѣтъ; мнѣ онъ показался шестидесятилѣтнимъ. Въ немъ есть нѣчто напоминающее Тальма, но онъ полнѣе. Быть можетъ, онъ также немного выше. Черты его лица крупны и ясно очерчены: высокій лобъ, довольно широкая, но весьма пропорціональная фигура, строгій ротъ, глаза проникательныя, общее выраженіе раздумья и силы... Его рѣчь и походка спокойны и медленны, но, по нѣкоторымъ рѣдкимъ и сильнымъ жестамъ, видно, что внутри у него больше жизни, чѣмъ снаружи».

сказалъ мнѣ, что онъ лѣтомъ приманиваетъ къ себѣ павлиновъ, давая имъ любимый кормъ.

Спускаясь съ другой стороны, я увидѣлъ камень, окруженный кустами; на немъ были высѣчены извѣстные стихи:

Hier im Stillen gedachte der Liebende seiner Geliebte ¹⁾, и я почувствовалъ, что стою на классической почвѣ. Вблизи была рощица изъ небольшихъ дубовъ, сосенъ, березъ и буковъ. Обойдя ее, мы очутились на большой аллеѣ, неподалеку отъ дома. Дубы, сосны, березы и буки стоятъ здѣсь полукругомъ и образуютъ сводъ надъ площадкой; тутъ мы пристѣли на стульяхъ, разставленныхъ вокругъ круглаго стола. Солнце грѣло такъ сильно, что слабая тѣнь отъ безлиственныхъ деревьевъ уже доставляла удовольствіе. «Въ большіе жары я не знаю лучшаго убѣжища, какъ это мѣстечко», сказалъ Гете. «Я посадилъ всѣ эти деревья собственноручно сорокъ лѣтъ назадъ, и радовался, глядя, какъ они растутъ, и вотъ уже довольно долгое время наслаждаюсь ихъ тѣнью. Листва этихъ дубовъ и буковъ не проницаема для самаго горячаго солнца; я люблю здѣсь сидѣть лѣтомъ послѣ обѣда, когда на лугу и кругомъ, во всемъ паркѣ, часто царитъ та тишина, про которую древніе сказали бы: *Панъ спитъ*» ²⁾).

Тутъ мы услышали, что въ городѣ пробило два часа, и поѣхали назадъ.

Вторникъ, 30-го марта 1824.

Вечеромъ у Гете. Я былъ у него одинъ. Говорили о разныхъ разностяхъ и роспили бутылку вина.

¹⁾ Здѣсь въ типъ влюбленный думалъ о своей милрой.

²⁾ Вспомнимъ прекрасное стихотвореніе А. Н. Майкова на эту тему: «Онъ спитъ, онъ спитъ, великій Панъ!»

Рѣчь зашла о французскомъ театрѣ по сравненію съ нѣмецкимъ.

«Весьма трудно», сказалъ Гете, «чтобъ у нѣмецкой публики установились правильныя сужденія, какъ то въ извѣстной степени существуетъ въ Италіи и Франціи. И особенно препятствуетъ этому у насъ то, что на нашихъ сценахъ играютъ все въ пере-
межку. Тамъ же, гдѣ вчера мы видѣли *Гамлета*, мы видимъ сегодня *Штаберле*¹⁾, и гдѣ насъ завтра будетъ восхищать *Волшебная флейта*, послѣ завтра мы находимъ удовольствіе въ шуткахъ *Hans Sontagskind*. Отсюда проистекаетъ сбивчивость въ сужденіяхъ публики; образуется смѣсь различныхъ родовъ, которые она не умѣетъ ни оцѣнить, ни понять какъ должно.—Притомъ, у всякаго свои собственные требованія, свои личныя желанія, съ которыми онъ постоянно возвращается туда, гдѣ видѣлъ ихъ осуществленіе. Съ того же дерева, гдѣ онъ вчера рвалъ фиги, онъ и завтра хочетъ ихъ рвать, и онъ скорчитъ недовольное лицо, если за ночь тамъ выростутъ терновыя ягоды! А кто любитъ терновыя ягоды, пусть идетъ въ терновые кусты.—У Шиллера была хорошая мысль выстроить особый театръ для трагедіи и давать тамъ каждую недѣлю піесу исключительно для мужчинъ. Но это можно

¹⁾ Вѣнскій шутовскій типъ.—Нельзя не замѣтить, что обстоятельства, подобныя указаннымъ Гете, мѣшаютъ и въ нашемъ театрѣ правильному развитію вкуса публики. Даже въ Москвѣ, не взирая на нѣсколько частныхъ сценъ, не установилось еще раздѣленіе репертуара между отдѣльными театрами. И это не прекратится, пока духъ соперничества во что бы то ни стало не замѣнится духомъ соревнованія въ дѣлѣ искусства. Тогда каждый театръ будетъ довольствоваться только піесами даннаго рода, и стараться исполнять ихъ съ возможнымъ совершенствомъ.

сдѣлать только въ большой столицѣ, а при нашихъ обстоятельствахъ осуществить невозможно».

Мы говорили о піесахъ Иффланда и Котцебу, которыя Гете цѣнилъ высоко въ своемъ родѣ. «И изъ сказанной ошибки, оттого что никто какъ должно не различаетъ родовъ», сказалъ онъ, «не рѣдко самымъ несправедливымъ образомъ судятъ піесы этихъ господъ. А придется долго подождать, пока народится еще пара такихъ популярныхъ талантовъ».

Я похвалилъ *Холостяковъ* Иффланда, которые мнѣ очень понравились со сцены. «Это безспорно лучшая піеса Иффланда», сказалъ Гете, «и единственная, гдѣ онъ отъ прозы возвышается къ идеалу».

Онъ разсказалъ мнѣ о піесѣ, которую они сочинили съ Шиллеромъ въ видѣ продолженія *Холостяковъ*, но не записали ее. Гете разсказывалъ мнѣ дѣйствіе, сцену за сценой; все было очень весело и ловко сдѣлано. Затѣмъ Гете заговорилъ о нѣкоторыхъ новыхъ піесахъ Платена. «Въ нихъ», сказалъ онъ, «видно вліяніе Кальдерона. Онѣ весьма остроумны и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходны, но имъ недостаетъ извѣстнаго удѣльнаго вѣса, извѣстной серьезности содержанія. Онѣ не такого рода, чтобъ возбуждать въ душѣ читателя глубокое и долго остающееся впечатлѣніе; скорѣе онѣ только легко и торопливо затрагиваютъ наши внутреннія струны. Онѣ похожи на пробку, которая, плавая по водѣ, не оставляетъ никакого слѣда, но легко носится по поверхности. Нѣмецъ требуетъ извѣстной серьезности, извѣстной высоты мысли, извѣстной душевной полноты, вотъ отчего Шиллеръ цѣнится всѣми такъ высоко. Я никоимъ образомъ не сомнѣваюсь въ серьезности характера Платена, но она, вѣроятно, не проявляется въ его піесахъ, въ силу

превратнаго воззрѣнія на искусство. Онъ обнаруживаетъ хорошее образованіе, умъ, удачное остроуміе и много искусства въ придумываніи подробностей; но со всѣмъ этимъ, особенно у насъ, нѣмецъ, ничего не подѣлаешь».

«Вообще публика придаетъ значеніе писателю за его личный характеръ, а не за искусство его таланта. Наполеонъ говорилъ о Корнелѣ: «S'il vivait, je le ferais prince», — и не читалъ его. Расина онъ читалъ, но ничего подобнаго о немъ не говорилъ. Такъ и Лафонтена французы высоко уважаютъ не за его поэтическія заслуги, а за величіе его характера, которое явствуетъ изъ его сочиненій».

Затѣмъ мы заговорили объ *Избирательномъ средствѣ*, и Гете разсказалъ мнѣ объ одномъ англійскомъ путешественникѣ, который хотѣлъ развестись съ женой по возвращеніи въ Англію. Онъ смѣялся надъ такой глупостью и привелъ много примѣровъ, какъ разведенные потомъ не могли разстаться. «Покойный Рейнгардъ изъ Дрездена», сказалъ онъ, «удивлялся, что я держусь такихъ строгихъ мнѣній на счетъ брака, между тѣмъ какъ о другихъ вещахъ сужу снисходительно».

Эти слова Гете показались мнѣ замѣчательными по той причинѣ, что они вполнѣ уясняютъ, какъ онъ самъ думалъ объ этомъ романѣ, который столь часто понимается превратно.

Затѣмъ мы говорили о Тикѣ и его личныхъ отношеніяхъ къ Гете.

«Я Тика сердечно люблю», сказалъ Гете, «и онъ также, говоря вообще, хорошо расположенъ ко мнѣ; однако, въ его отношеніяхъ ко мнѣ есть нѣчто, чего не должно бы быть. И притомъ я въ томъ не виноватъ, и онъ также; тутъ существуетъ

причина особаго рода. Когда Шлегели стали приобрѣтать значеніе, то я оказался для нихъ слишкомъ сильнымъ; чтобъ меня уравновѣсить, они стали подыскивать талантъ, который могли бы противопоставить мнѣ. Они нашли чего искали въ Тикѣ, и ради того, чтобъ онъ показался достаточно сильнымъ по сравненію со мною въ глазахъ публики, принуждены были преувеличить его значеніе. Это повредило нашимъ отношеніямъ: Тикъ, самъ того не сознавая, черезъ это очутился относительно меня въ ложномъ положеніи. Тикъ — талантъ высокаго значенія, и никто лучше меня не признаетъ его чрезвычайныхъ заслугъ; но желать его сдѣлать выше его самого и поставить на равнѣ со мною — ошибка. Я могу это высказать прямо, ибо то, что во мнѣ есть, сотворено не мной. Было бы то же, если-бъ я вздумалъ равнять себя съ Шекспиромъ; онъ тоже не самъ себя сдѣлалъ, и однако онъ существо высшаго порядка, на котораго я смотрю снизу вверхъ и котораго долженъ почитать».

Гете былъ въ этотъ день особенно здоровъ, веселъ и въ хорошемъ расположеніи. Онъ досталъ рукопись неизданныхъ своихъ стихотвореній и сталъ мнѣ читать. Слушать его было единственнымъ въ своемъ родѣ наслажденіемъ; меня возбуждала въ высокой степени не только оригинальная сила и свѣжесть его стиховъ, но и то, какимъ явился мнѣ въ этомъ чтеніи самъ Гете съ неизвѣстной мнѣ доселѣ, но высшей степени замѣчательной стороны. Какое разнообразіе и сила голоса! Какое выраженіе и какое оживленіе большого въ складкахъ лица! И что за глаза!..

Среда, 14-го апрѣля 1824.

Въ часѣ ѣздилъ кататься съ Гете. Мы говорили о стилѣ различныхъ писателей.

«Нѣмцамъ», сказалъ Гете, «вообще вредятъ философскія умозрѣнія; отъ нихъ стиль часто становится безсмысленнымъ, непонятнымъ, растянутымъ и *расплывчатымъ*. Чѣмъ ближе подходятъ они къ извѣстнымъ философскимъ школамъ, тѣмъ хуже пишутъ. Тѣ же нѣмцы, которые, въ качествѣ дѣловыхъ и свѣтскихъ людей, знаютъ одну практическую жизнь, пишутъ лучше. Такъ, стиль Шиллера, когда онъ не философствуетъ, становится великолѣпнымъ и сильнымъ, какъ я сегодня еще замѣтилъ на его въ высшей степени замѣчательныхъ письмахъ, которыми теперь занимаюсь. Между нѣмецкими женщинами также есть геніальныя существа, которыя пишутъ отличнымъ слогомъ и превосходятъ въ этомъ многихъ нашихъ хваленныхъ писателей. — Англичане большею частью пишутъ всѣ хорошо, какъ прирожденные ораторы и практическіе, выросшіе на реальномъ, люди. Французы и въ слогѣ не измѣняютъ своему общему характеру. Они люди общительные, и въ качествѣ таковыхъ никогда не забываютъ о публикѣ, къ которой обращаются; они стараются быть ясными, чтобъ убѣдить читателя, и пріятными, чтобъ ему понравиться. Вообще же, стиль писателя есть вѣрный отпечатокъ его внутренняго склада: кто хочетъ писать *яснымъ* слогомъ, долженъ озаботиться, чтобъ у него было ясно на душѣ; кто хочетъ писать *величественно*, пусть раньше пріобрѣтетъ *величественный* характеръ».

Затѣмъ Гете, говоря о своихъ противникахъ, за-

мѣтилъ, что родъ ихъ безсмертенъ. «Ихъ число—легіонъ», прибавилъ онъ, «но не невозможно сдѣлать имъ нѣкотораго рода классификацію. Во первыхъ упомяну я о моихъ противникахъ *изъ глупости*; сюда принадлежатъ тѣ, которые меня не понимаютъ и, не зная, бранятъ меня. Эта значительная толпа причиняла мнѣ въ жизни не мало докуки; но имъ должно быть прощено, потому что они не вѣдали что творили. Вторую, также значительную толпу составляютъ мои *завистники*. Эти господа не прощаютъ мнѣ счастья и почетнаго положенія, которыхъ я достигъ, благодаря моему таланту. Будь я несчастливъ и бѣденъ, они бы умолкли. Далѣе слѣдуетъ изрядное количество тѣхъ, которые стали моими противниками потому, что сами *не имѣли устъха*. Между ними есть высокіе таланты, но они не могутъ простить мнѣ того, что я ихъ затмилъ. Въ четвертыхъ слѣдуютъ противники на извѣстномъ основаніи. Я человѣкъ, имѣю человѣческіе недостатки и слабости, а потому и мои сочиненія не могутъ быть отъ нихъ свободны. Но для меня образованіе было дѣломъ серьезнымъ, и я трудился неутомимо надъ тѣмъ, чтобъ облагородить себя, а потому я постоянно шелъ впередъ, и часто случалось, что они порицали меня за такой недостатокъ, отъ котораго я уже давно избавился. Эти добрые люди менѣе другихъ беспокоили меня: они стрѣляли въ меня, когда я былъ отъ нихъ уже далеко. Вообще, я становился довольно равнодушенъ къ оконченному произведенію; я имъ болѣе не занимался, и начиналъ думать о чемъ нибудь новомъ. Далѣе, великое множество становится моими противниками вслѣдствіе *несходства въ образъ мыслей* и различныхъ взглядовъ. Замѣчено, что между

листьями на деревѣ едва найдется два вполнѣ одинаковыхъ; точно также и между тысячью человѣкъ едва найдутся двое, которые вполнѣ бы согласовались во мнѣніяхъ и образѣ мыслей. Принявъ это во вниманіе, я долженъ менѣе удивляться тому, что число моихъ противниковъ такъ велико, чѣмъ тому, что у меня такъ много друзей и сторонниковъ. Мои сверстники отличаются отъ меня тѣмъ, что они всѣ держались субъективнаго направленія, между тѣмъ какъ я, со своими объективными стремленіями, былъ вполнѣ одинокъ.

«Шиллеръ въ этомъ отношеніи имѣлъ передо мною великое преимущество. И одинъ благомыслящій генералъ поэтому намекнулъ мнѣ довольно ясно, что и мнѣ лучше бы поступать, какъ Шиллеръ. Въ отвѣтъ, я ему разъяснилъ всѣ заслуги Шиллера, потому что зналъ ихъ лучше его. Самъ же я спокойно шелъ своей дорогой, не заботясь болѣе объ успѣхѣ, и обращалъ на всѣхъ моихъ противниковъ какъ можно менѣе вниманія».

Вечеромъ въ тотъ же день у Гете исполнялся *Мессія* Генделя подъ управленіемъ Эбервейна. Гетсидѣлъ поодаль и, внимательно слушая, былъ исполненъ удивленія къ величавому творенію.

Понедѣльникъ, 10-го апрѣля 1824.

Сюда пріѣхалъ величайшій филологъ нашего времени, Ф. А. Вольфъ. Гете давалъ въ честь его обѣдъ. Послѣ обѣда Гете весело оспаривалъ остроумныя замѣчанія Вольфа. «Чтобъ сладить съ Вольфомъ», сказалъ Гете, «мнѣ приходится разыгрывать при немъ роль Мефистофеля. Иначе, онъ не выдастъ

тѣхъ сокровищъ, которыя у него въ душѣ»¹⁾). Вольфъ былъ мастеръ на остроумныя и неожиданныя отвѣты, но, по моему, Гете все-таки одерживалъ надъ нимъ верхъ.

Воскресенье, 2-го мая 1824.

Гете упрекалъ меня, зачѣмъ я не бываю въ одномъ знатномъ семействѣ. «Вы провели бы тамъ за эту зиму нѣсколько весьма пріятныхъ вечеровъ», сказалъ онъ, «вы могли бы завязать тамъ нѣсколько хорошихъ знакомствъ; и все это пропало для васъ, Богъ знаетъ изъ-за какой причуды».

— При моей впечатлительной натурѣ, отвѣчалъ я,—при моемъ расположеніи находить во всемъ интересъ и входить въ чужія интересы, для меня было бы утомительно и вредно отдаваться множеству новыхъ впечатлѣній. Я не воспитанъ для общества, и не вошелъ въ него. Обстоятельства моей жизни были таковы, что мнѣ кажется, будто я началъ жизнь только недавно, съ тѣхъ поръ, какъ я при васъ. Все для меня ново. Всякій вечеръ въ театрѣ, всякій разговоръ съ вами—для меня эпоха. То, что проходитъ безразлично для людей, иначе воспитанныхъ и съ другими привычками, дѣйствуетъ на меня въ высшей степени. Притомъ, во мнѣ такая боль-

¹⁾ Вольфъ, геніальный другъ Гете, авторъ *Пролегоменъ*. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого свиданія. Въ письмахъ къ Целтеру Гете не разъ говоритъ о духѣ противорѣчія, характеризовавшемъ Вольфа. «Такое безуміе», пишетъ онъ, «приводитъ къ тому, что изъ удовольствія противорѣчить, человѣкъ начинаетъ утверждать противное тому что думаетъ». — Вообще Гете находилъ, что филологи и математики народъ непріятный. «Филологи», говорилъ онъ «считаютъ своей обязанностію все исправлять, а математики все точно опредѣлять,—привычки которыя въ житейскомъ обиходѣ дѣлаютъ ихъ непереносными».

шая жажда къ образованію, что мой умъ хватается за все съ извѣстнымъ напряженіемъ и всасываетъ возможно большее количество питательныхъ соковъ. При такомъ расположеніи, съ меня на нынѣшнюю зиму вполнѣ достаточно театра и вашего знакомства, и, заводя новыя отношенія и знакомства, я только бы расстроился въ душѣ.

— Вы удивительное созданіе, смѣясь сказалъ Гете, — поступайте какъ хотите; я васъ оставлю въ покоѣ.

— Сверхъ того, прибавилъ я, — я вношу обыкновенно въ общество мои личныя склонности и отвращенія; я чувствую потребность любить и быть любимымъ. Я ищу личности, подходящей къ моей натурѣ; такому человѣку я отдаюсь охотно, а съ другими мнѣ нечего дѣлать.

— Такая природная склонность, конечно, не общительнаго свойства, отвѣчалъ Гете, — но что бы значило образованіе, если-бъ мы не старались побороть свои природныя наклонности? Великое безуміе требовать, чтобъ люди согласовались съ нами. Я никогда такъ не поступалъ. Я всегда смотрѣлъ на людей, какъ на личности, существующія для самихъ себя; я старался испытывать человѣка и изучать его особенности, но не требовалъ затѣмъ отъ него никакой особой симпатіи. Такимъ образомъ я научился обходиться со всякимъ человѣкомъ, и только такимъ образомъ можно достигнуть знанія разнообразныхъ характеровъ и необходимаго умѣнья обращаться съ людьми. Именно, при встрѣчѣ съ противоположными натурами, приходится собраться съ силами, чтобъ поладить съ ними; чрезъ это въ насъ возбуждаются, развиваются и образуются различные стороны нашей природы, и мы вскорѣ чув-

ствуемъ, что окрѣпли для всякой встрѣчи. И вамъ слѣдуетъ поступать такъ же. Вы къ этому больше способны, чѣмъ думаете; но, если это къ вамъ не подходитъ, то все-таки бывайте въ большомъ свѣтѣ и поступайте тамъ, какъ вамъ нравится.

Подъ вечеръ Гете пригласилъ меня прокатиться. Мы отправились черезъ Обервеймаръ къ холму, съ котораго виденъ паркъ. Деревья цвѣли; березы уже распустились, и луга, освѣщенные заходящимъ солнцемъ, стались зеленымъ ковромъ. Мы отыскивали живописныя группы и не могли наглядѣться. Было замѣчено, что деревья съ бѣловатыми цвѣтами не годятся для живописи, потому что они не составляютъ картины; что не слѣдуетъ изображать распускающихся березъ на первомъ планѣ, потому что слабая листва не представляетъ достаточнаго противовѣса бѣлому стволу: не будетъ большихъ пятенъ, которыя можно выдвинуть впередъ сильными массами свѣта и тѣни. «Поэтому», сказалъ Гете, «Рюисдалъ никогда не помѣщалъ на первомъ планѣ березу въ листвѣ, но только сломанные безлистые березовые стволы. Такой стволъ для перваго плана очень хорошъ: его свѣтлый обликъ сильно выступаетъ впередъ».

Затѣмъ, послѣ бѣглыхъ замѣтокъ о разныхъ вещахъ, мы заговорили о ложномъ направленіи тѣхъ художниковъ, которые хотятъ превратить религію въ искусство, между тѣмъ какъ для нихъ искусство должно бы быть религіей. «Религія», сказалъ Гете, «находится къ искусству въ томъ же отношеніи, какъ и другіе высокіе жизненные интересы. На нее слѣдуетъ смотрѣть просто, какъ на матеріаль, имѣющій одинаковыя права со всѣми иными сюжетами, которые даетъ жизнь. Равно, вѣра и не-

вѣріе вовсе не принадлежать къ тѣмъ органамъ, чрезъ которые воспринимается художественное произведеніе; скорѣе, сюда относятся совершенно другія человѣческія силы и способности. Искусство же должно творить для тѣхъ органовъ, которыми мы его воспринимаемъ; если оно этого не исполняетъ, то погрѣшаетъ противъ своей цѣли и не оказываетъ на насъ надлежащаго дѣйствія. Религіозный сюжетъ, конечно, можетъ быть также прекраснымъ предметомъ для искусства, но только въ томъ случаѣ, когда онъ всечеловѣческій. Поэтому, Дѣва съ Младенцемъ вполне превосходный сюжетъ, который обрабатывался тысячи разъ и на который всегда будутъ смотрѣть съ охотой».

Мы между тѣмъ объѣхали лѣсъ и близъ Тифурта повернули назадъ къ Веймару; напротивъ насъ заходило солнце. Гете задумался и затѣмъ сказалъ словами древняго поэта:

И заходя, остаешься все тѣмъ же свѣтиломъ!

«Когда проживешь семьдесятъ пять лѣтъ», добавилъ онъ въ необыкновенно ясномъ расположеніи духа, «то не избѣгнешь, чтобъ порой не думать о смерти. При такой мысли, я сохраняю полное спокойствіе, потому что имѣю твердое убѣжденіе, что нашъ духъ есть существо, природа котораго вполне неразрушима и непрерывно дѣйствуетъ изъ вѣчности къ вѣчности; онъ подобенъ солнцу, которое заходитъ только для нашего земного ока, но въ сущности никогда не заходитъ и свѣтитъ непрерывно».

По возвращеніи въ Веймаръ, Гете просилъ меня зайти къ нему на минутку. Онъ былъ въ необыкновенно хорошемъ, любезномъ настроеніи. Онъ особенно много говорилъ о теоріи цвѣтовъ, о своихъ

неисправимыхъ противникахъ, добавляя, что онъ знаетъ, что сдѣлалъ кое-что въ этой наукѣ.

«Чтобъ составить въ мірѣ эпоху», сказалъ онъ, при этомъ случаѣ, «необходимы, какъ извѣстно, двѣ вещи: во-первыхъ, обладать хорошей головой и, во-вторыхъ, получить большое наслѣдство. Наполеонъ наслѣдовалъ отъ французской революціи; Фридрихъ Великій—отъ силезской войны; Лютеръ—отъ мрака католическаго духовенства, и мнѣ досталось на долю заблужденіе ньютоновской теоріи. Правда, настоящее поколѣніе не имѣетъ и понятія, что я тутъ сдѣлалъ; но будущія времена признаютъ, что въ этомъ отношеніи мнѣ досталось недурное наслѣдство».

Сегодня утромъ Гете прислалъ мнѣ свертокъ бумагъ, относящихся къ театру; между ними нашелъ я рядъ отрывочныхъ набросковъ, содержащихъ правила и замѣтки, которыя онъ составилъ вмѣстѣ съ Вольфомъ и Гринеромъ, когда старался образовать изъ нихъ настоящихъ актеровъ. Найдя, что эти замѣтки имѣютъ значеніе и въ высшей степени полезны для молодыхъ актеровъ, я рѣшился соединить ихъ въ цѣлое и составить такимъ образомъ родъ театральнаго катехизиса. Гете одобрилъ мое предположеніе, и мы толковали о подробностяхъ. Это послужило поводомъ къ воспоминанію о замѣчательныхъ актерахъ, вышедшихъ изъ его школы, и я спросилъ при этомъ на счетъ г-жи фонъ-Гейгендорфъ. «Я могъ имѣть на нее вліяніе», сказалъ Гете, «но она собственно не была моей ученицей. Она словно родилась на сценѣ, и во всемъ была такъ увѣренна и рѣшительна, такъ свободна и искусна, какъ утка въ водѣ. Ей не требовалось учиться у меня; она по инстинкту дѣлала все, какъ слѣдуетъ, быть можетъ, сама того не сознавая».

Затѣмъ мы говорили о его многолѣтнемъ директорствѣ и о томъ, сколько времени онъ потерялъ черезъ это для своихъ литературныхъ работъ. «Конечно», сказалъ Гете, «я могъ бы за это время написать нѣсколько вещей, но, строго обдумывая, я не раскаиваюсь. Я смотрѣлъ на всѣ мои дѣйствія и произведенія, какъ на символы, и для меня въ сущности было все равно, дѣлаю ли я горшки, или блюда».

Вторникъ, 18-го мая 1824.

Сегодня вечеромъ у Гете, гдѣ былъ Римеръ; Гете разсказывалъ намъ объ англійской поэмѣ съ геологическимъ сюжетомъ¹⁾. Онъ въ разговорѣ импровизировалъ намъ ея переводъ съ такимъ умомъ, воображеніемъ и оживленіемъ, что всѣ подробности живо выступали передъ глазами и, казалось, будто онъ изобрѣталъ ихъ въ самую минуту перевода. Герой поэмы, король *Coal* (уголь), сидитъ на тронѣ въ блестящей пріемной залѣ въ ожиданіи перовъ своего королевства; подлѣ него его супруга, Пирита. Входятъ по чинамъ и постепенно представляются королю: герцогъ Гранитъ, маркизъ Шиферъ, графиня Порфиръ и другія; всѣ они характеризуются подходящими прозвищами и остроуміемъ. Далѣе является сэръ Лаврентій Уркалкъ (известнякъ), человѣкъ великаго богатства и хорошо принятый при дворѣ. Онъ извиняется за свою мать, лэди Мраморъ, которая живетъ слишкомъ далеко; вообще же, она дама полированная и съ гладкой рѣчью. Ея сегодняшнее неприбытіе ко двору, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что она запуталась въ интрижкѣ съ нѣкоторымъ Кановой,

¹⁾ *King Coal's Levee, or geological Etiquette*, by John Scafe.

который ее прекрасно обдѣлываетъ. Туфъ, украсившій свои волоса ящерицами и рыбами, повидимому, подвыпилъ. Джонъ Мергель и Джекъ Тонъ (глина) являются подъ конецъ. Королева особенно благосклонна къ послѣднему, потому что онъ обѣщаль ей коллекцію раковинъ. Представленіе продолжается и далѣе, въ томъ же веселомъ тонѣ; но я не запомнилъ подробностей. «Эта поэма», сказалъ Гете, «разсчитана на то, чтобъ позабавить свѣтскихъ людей, причемъ она сообщаетъ множество полезныхъ свѣдѣній, которыя слѣдуетъ имѣть всякому. Такимъ образомъ въ высшихъ кругахъ возбуждается вкусъ къ наукамъ, и трудно представить, сколько пользы можетъ принести подобная полу-шутка. Можетъ быть, неглупые люди станутъ наблюдать окружающую ихъ природу, а такія наблюденія часто бываютъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ менѣе специалистомъ является наблюдатель».

— Вы, повидимому, хотите сказать, замѣтилъ я, — что, чѣмъ больше знаешь, тѣмъ хуже наблюдаешь?

— Въ томъ случаѣ, когда полученные вами знанія соединены съ ошибками—несомнѣнно! отвѣчалъ Гете.—Какъ скоро вы въ наукѣ припишетесь къ какой нибудь узкой сектѣ, то проститесь со всякимъ прямымъ и вѣрнымъ пониманіемъ. Рѣшительный вулканистъ смотритъ на все сквозь очки вулканистовъ, равно какъ непутистъ и послѣдователь новѣйшей теоріи подъятій — смотритъ сквозь свои. У всѣхъ подобныхъ теоретиковъ, замкнувшихся въ извѣстномъ исключительномъ направленіи, міросозерцаніе лишено невинности, и предметы уже не являются для нихъ въ своей естественной чистотѣ. Когда такіе ученые представляютъ отчетъ о своихъ

наблюденияхъ, то, не взирая на всю ихъ личную любовь къ правдѣ, мы все-таки не получимъ правды объекта; все будетъ сильно отзываться субъективной примѣсью. Но я далекъ отъ того, чтобъ утверждать, будто свободное и прямое знаніе вредитъ наблюденію; скорѣй права древняя истина, что у насъ собственно есть и глаза, и уши только на то, что мы знаемъ. Музыкантъ слышитъ въ оркестрѣ каждый инструментъ и каждую отдѣльную ноту,—для незнаюка все сливается въ совокупное дѣйствіе звуковъ. Человѣкъ, просто желающій полюбоваться, видитъ въ лугѣ только пріятную зеленую или разноцвѣтную поверхность,—наблюдательный ботаникъ охватываетъ глазомъ безконечныя подробности отдѣльных, разнаго рода, растений и травъ.

«Но во всемъ есть своя мѣра и цѣль, и, какъ въ моемъ *Гетцѣ* сыночъ, отъ обширной учености, не узнаетъ своего отца¹⁾, такъ и въ наукахъ мы נתкаемся на людей, которые, отъ обширной учености и гипотезъ, не въ силахъ уже ни видѣть, ни слышать. Они все быстро поглощаютъ; они такъ заняты тѣмъ, что переворачиваютъ внутри себя,—что, какъ одержимый страстью, пробѣгаютъ, не замѣчая, мимо самаго близкаго друга. Для наблюденія природы требуется спокойствіе и ясность ума, ничѣмъ не смущеннаго, ничѣмъ не занятаго. Отъ ребенка не ускользетъ жучекъ съ цвѣтка, потому что онъ сосредоточилъ всѣ свои способности на единичномъ интересѣ; ему въ голову не приходитъ, что въ то же время можетъ произойти нѣчто замѣчательное въ образованіи облаковъ, онъ не станетъ смотрѣть на нихъ.

¹⁾ Актъ, I, сц. IV.

— Такимъ образомъ, сказалъ я,—дѣти и кто похожъ на нихъ могутъ въ наукѣ явиться хорошими подмастерьями.

— Дай Богъ, чтобъ и всѣ мы были только хорошими подмастерьями! Но мы все портимъ тѣмъ, что хотимъ быть чѣмъ-то выше и всюду таскаемъ за собой цѣлый приборъ философіи и гипотезъ.

Послѣ небольшого перерыва, Римеръ заговорилъ о лордѣ Байронѣ и его смерти. Гете при этомъ сдѣлалъ блестящій обзоръ его сочиненій, воздавая ему высокую хвалу и признавая его заслуги. «Впрочемъ», добавилъ онъ, «хотя лордъ Байронъ и умеръ такимъ молодымъ, но литература въ сущности ничего не потеряла по отношенію къ своему дальнѣйшему развитію. Байронъ не могъ, такъ сказать, идти далѣе. Онъ достигъ вершины своей творческой силы, и, что бы онъ ни написалъ впослѣдствіи, онъ не могъ бы все-таки преступить границъ своего таланта. Его непостижимая поэма *Страшный судъ* есть самая крайняя вещь, какую онъ только могъ написать».

Затѣмъ разговоръ обратился на итальянскаго поэта, Торквато Тассо, и о лордѣ Байронѣ по сравненію съ нимъ; Гете прямо указалъ на великое превосходство англійскаго поэта относительно ума, знанія свѣта и производительной силы. «Нельзя», добавилъ онъ, «сравнить двухъ поэтовъ, не уничтожая одного другимъ. Байронъ—неопалимая купина, сжигающая ливанскій кедръ. Великій эпосъ итальянскаго поэта славится цѣлыя столѣтія; но одной строчкой *Донъ Жуана* можно отравить весь *Освобожденный Иерусалимъ*».

Среда, 26-го мая 1824.

Сегодня я простился съ Гете передъ отъѣздомъ въ Ганноверъ для свиданія съ родителями и затѣмъ на

Рейнъ, — о чемъ уже давно мечталъ. «Когда вы будете въ ГанOVERъ у Рэбергса», сказалъ онъ, «то, можетъ быть, встрѣтитесь съ другомъ моей юности Шарлотой Кестеръ; поклонитесь ей отъ меня¹⁾. Во Франкфуртѣ я отрекомендую васъ моимъ друзьямъ, Виллемеру²⁾, графу Рейнгарду и Шлоссеру³⁾. Въ Гейдельбергѣ и Боннѣ вы встрѣтите также моихъ преданныхъ друзей, которые васъ отлично примутъ. Я хотѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ пожить нѣкоторое время въ Мариенбадѣ; но поѣду туда уже по вашему возвращеніи».

Разлука съ Гете была для меня тяжела; но я былъ твердо увѣренъ, что черезъ два мѣсяца вновь увижу его здоровымъ и бодрымъ.

Вторникъ, 10-го августа 1824.

Я воротился съ недѣлю назадъ. Гете дружески обрадовался моему пріѣзду. Онъ отложилъ свое намѣреніе ѣхать въ Мариенбадъ. «Теперь, какъ вы воротились», сказалъ онъ, «я отлично проведу августъ». Онъ передалъ мнѣ начало продолженія *Правда и поэзія*. Кое-что уже кончено; остальное наброшено. — Чтобъ побудить Гете приняться за эту, уже нѣсколько лѣтъ прерванную, работу, я составилъ замѣтки, по которымъ ему легко видѣть, что слѣдуетъ развить и что изложить въ другомъ порядкѣ.

Понедѣльникъ, 16-го августа 1824.

Гете эти дни былъ очень разговорчивъ, но я былъ очень занятъ и не могъ записать ничего вполне;

¹⁾ Шарлота Кестеръ прототипъ Лотты въ «Вертерѣ».

²⁾ Франкфуртскій сенаторъ.

³⁾ Племянникъ зятя Гете; онъ занималъ важныя должности во Франкфуртѣ и написалъ нѣсколько политическихъ и богословскихъ сочиненій.

въ моемъ дневникѣ я нашелъ только слѣдующія отрывочныя мысли, и забылъ по какому поводу онѣ были высказаны.

«Люди—плавающие горшки; одинъ бьется о другой».

«Утромъ мы бываемъ умнѣе, но за то и озабоченнѣе; забота тоже мудрость, хотя и отрицательная. Глупость не знаетъ заботы».

«Не слѣдуетъ въ старости сохранять юношескихъ недостатковъ; со старостью приходятъ ея недостатки».

«Придворная жизнь похожа на оркестръ, гдѣ всякому должно держать свой тактъ и паузы».

«Придворные умерли бы со скуки, если-бъ ихъ время не было наполнено этикетомъ».

«Не хорошо совѣтовать государю перемѣнить мнѣніе даже въ ничтожнѣйшихъ вещахъ».

«Кто хочетъ приготовить актера, долженъ запастись безконечнымъ терпѣніемъ».

Вторникъ, 9-го ноября 1824.

Вечеромъ у Гете. Мы говорили о Клопштокѣ и Гердерѣ, и я съ удовольствіемъ слушалъ, какъ онъ оцѣнивалъ великія заслуги этихъ мужей.

«Безъ этихъ могучихъ предшественниковъ», сказалъ онъ, «наша литература не была бы тѣмъ, чѣмъ стала теперь. Своимъ появленіемъ они опередили свое время и увлекли его за собою; теперь время обогнало ихъ, и они, бывшіе нѣкогда столь необходимыми и важными, теперь перестали быть *средствомъ*. Молодой человѣкъ, который пожелалъ бы заимствовать свою культуру изъ Клопштока и Гердера, оказался бы весьма отсталымъ».

Мы говорили о *Мессіадѣ* и одахъ Клопштока,

и обсуждали ихъ достоинства и недостатки. Мы согласились, что у Клопштока не было ни стремленія, ни желанія для созерцанія и пониманія чувственного міра, равно какъ и для изображенія характеровъ; что ему, такимъ образомъ, не доставало существеннаго, чтобъ быть эпическимъ и драматическимъ поэтомъ, даже поэтомъ вообще.

«Мнѣ вспоминается ода, сказалъ Гете,—въ которой онъ заставляетъ нѣмецкую музу состязаться въ бѣгѣ съ британской. И въ самомъ дѣлѣ, когда подумаешь, что за картина представляется, когда обѣ дѣвушки бѣгутъ на перегонку, перебирая ногами, и подымая пыль, то приходится сознаться, что добрый Клопштокъ ничего подобнаго не видѣлъ въ жизни и ясно не воображалъ себѣ,—иначе онъ не могъ бы впасть въ такую ошибку».

Я спросилъ Гете, какъ онъ въ юности относился къ Клопштоку, и какого былъ о немъ мнѣнія.

«Я уважалъ его, со свойственнымъ мнѣ чувствомъ благоговѣнія», отвѣчалъ онъ; «я смотрѣлъ на него, какъ на своего дядю. Я благоговѣлъ передъ его произведеніями, и мнѣ въ голову не приходило разсуждать и разбирать ихъ. Я подчинялся вліянію того, что въ немъ было прекрасно, а въ остальномъ шелъ своей дорогой».

Мы возвратились къ Гердеру, и я спросилъ Гете которое изъ его сочиненій онъ почитаетъ за лучшее.

— Его *Идеи объ исторіи человечества*,—отвѣчалъ онъ, безспорно самое замѣчательное изъ его сочиненій. Позже, онъ предался отрицательному направленію, и въ этомъ не было ничего утѣшительнаго.

— При великомъ значеніи Гердера, замѣтилъ я,—я никакъ не могу себѣ представить, какъ въ нѣко-

торыхъ вещахъ онъ обнаруживалъ такъ мало смысла. Напримѣръ, я не могу ему простить, какъ онъ, особенно при тогдашнемъ состояніи нѣмецкой словесности, могъ возвратить съ насмѣшливыми замѣтками рукопись *Гетца фонъ-Берлихененъ*, не оцѣнивъ его достоинствъ. У него для нѣкоторыхъ вещей не было, очевидно, никакого органа.

— Въ этомъ отношеніи Гердеръ былъ туговать, сказалъ Гете,—и если-бъ онъ сейчасъ, какъ духъ, съ живостью добавилъ онъ,—присутствовалъ тутъ, онъ насъ бы не понялъ.

— Напротивъ, сказалъ я,—я хвалю Мерка за то, что онъ васъ заставилъ напечатать *Гетца*.

— Онъ былъ удивительный и замѣчательный человѣкъ, отвѣчалъ Гете.—Напечатай эту вещь, сказалъ онъ; правда, она ничего не стоитъ, а все-таки напечатай! Онъ былъ противъ передѣлки, и былъ правъ; піеса вышла бы другая, конечно, но не лучше.

Среда, 24-го ноября 1824.

Я зашелъ сегодня къ Гете передъ театромъ, и нашелъ его веселымъ и вполне здоровымъ. Онъ спрашивалъ о находящихся здѣсь молодыхъ англичанахъ, и я сказалъ ему, что намѣреваюсь прочесть съ г. Дуланомъ нѣмецкій переводъ Плутарха. Это навело разговоръ на римскую и греческую исторію, и Гете высказалъ слѣдующее: «Римская исторія, собственно говоря, для насъ уже не ко времени. Мы сдѣлались слишкомъ человѣчны, и намъ претятъ триумфы Цезаря. И въ греческой исторіи мало утѣшительнаго. Когда этотъ народъ возстаетъ противъ чужеземцевъ, онъ великъ и великолѣпенъ; но тѣмъ не переноситъ раздробленіе государствъ и вѣчныя усобицы, гдѣ грекъ обращаетъ оружіе противъ грека.

Притомъ, исторія нашего времени и велика, и значительна; сраженія подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо выдаются такъ могущественно, что сраженія при Маратонѣ и тому подобныя тускнѣютъ предъ ними. И отдѣльные наши герои не отстали отъ древнихъ: французскіе маршалы и Блюхеръ, и Веллингтонъ вполне достойны стать рядомъ съ ними».

Разговоръ обратился къ новѣйшей французской литературѣ, и о возрастающемъ въ Франціи интересѣ къ нѣмецкой словесности.

«Французы прекрасно дѣлаютъ, сказалъ Гете, — что начинаютъ изучать и переводить нашихъ писателей; они ограничены и въ формѣ, и въ мотивахъ, и имъ нѣтъ иного средства, какъ обратиться къ иностранцамъ. Нашъ, нѣмецъ, можно упрекнуть за нѣкоторое отсутствіе формы, но мы превосходимъ ихъ содержательностью. Піесы Коцебу и Иффланда такъ богаты мотивами, что они еще долго будутъ изъ нихъ заимствовать, пока все исчерпаютъ. Особенно же имъ ко двору нашъ философскій идеализмъ: вѣдь все идеальное служить революціоннымъ цѣлямъ.

«У Французовъ, продолжалъ онъ, — есть разсудокъ и умъ, но нѣтъ основательности и чувства благочестія. Чтò имъ нужно въ настоящую, минуту, чтò на руку ихъ партіи, — то для нихъ и правда. Поэтому они насъ хвалятъ вовсе не потому, что признаютъ наши заслуги, а за то, что нашими взглядами могутъ подкрѣпить свою партію».

Мы заговорили о нашей литературѣ, и о томъ, чтò вредитъ нѣкоторымъ нашимъ молодымъ поэтамъ.

«Большинству нашихъ молодыхъ поэтовъ, сказалъ Гете, — вредитъ то, что ихъ личность (субъективность) сама по себѣ не замѣчательна, а въ объек-

тивномъ они не умѣютъ найти сюжета. Въ крайнемъ случаѣ, они нападаютъ на сюжетъ, имѣющій подобіе съ ними, отвѣчающій ихъ субъективности; они и не думаютъ заняться сюжетомъ ради его самого, ради того, что онъ поэтиченъ, хотя бы онъ и былъ не совсѣмъ по душѣ. Но, какъ сказано, наши молодые поэты, по крайности лирическіе, справились бы съ дѣломъ, если-бъ между ними нашлись значительныя личности, которыя образовали бы себя при помощи большаго изученія и житейскихъ отношеній».

Пятница, 3-го декабря 1824.

На дняхъ мнѣ было сдѣлано предложеніе, на весьма хорошихъ условіяхъ, писать для англійской газеты ежемѣсячныя обзорѣнія всего вновь появляющагося въ нѣмецкой литературѣ. Мнѣ очень хотѣлось принять это предложеніе, но я подумалъ, что, можетъ быть, не мѣшаетъ поговорить объ этомъ предварительно съ Гете.

Поэтому сегодня, въ сумерки, я зашелъ къ нему. Шторы въ комнатѣ были спущены; онъ сидѣлъ у большаго обѣденнаго стола; двѣ свѣчи освѣщали его лицо и колоссальный бюстъ, который онъ разсматривалъ. «Ну, сказалъ Гете, дружески поздоровавшись со мною и указывая на бюстъ, — кто это?» — Кажется, поэтъ и вдобавокъ итальянецъ, отвѣчалъ я. «Это Данте, отвѣчалъ Гете. — Отличная работа, превосходная голова, но все-таки я не вполне доволенъ. Онъ тутъ старъ, согнутъ, обезнадеженъ; черты вялыя, обвислыя, точно онъ вышелъ изъ ада. У меня есть медаль, вычеканенная при его жизни, и на ней онъ несравненно красивѣе». Гете всталъ за медалью. «Посмотрите, какая тутъ сила въ носѣ,

съ какой силой приподнята верхняя губа, какъ выдается подбородокъ и какъ красиво онъ соединяется съ челюстью! Части около глазъ и лобъ остались почти такими же и на колоссальномъ бюстѣ, но все другое ослабѣло и постарѣло. Но я не хочу этимъ похулить бюста: въ цѣломъ онъ превосходенъ и заслуживаетъ большой хвалы».

Гете спросилъ меня затѣмъ, какъ я поживалъ эти дни, о чемъ думалъ и чѣмъ занимался. Я сказалъ ему о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, а также, что мнѣ хочется принять его. Лицо Гете, доселѣ весьма дружественное, выразило вдругъ досаду, и я увидѣлъ, что онъ вполнѣ не одобряетъ моего намѣренія.

«Желаю, чтобъ друзья ваши оставили васъ въ покоѣ, сказалъ онъ.—Зачѣмъ вы хотите заниматься вещами, которыя совершенно внѣ вашего пути и противны вашей природѣ? У насъ есть золото, серебро и ассигнаціи, и каждое имѣетъ свою цѣнность и курсъ, но для того, чтобъ оцѣнивать ихъ, надо знать курсъ. Не иначе и въ литературѣ. Вы умѣете цѣнить металлы, а не ассигнаціи; вы къ нимъ не привыкли, и ваша критика будетъ несправедлива, и вы будете находить все негоднымъ. Если же вы захотите быть справедливымъ, признавать и оцѣнивать всякое сочиненіе по его роду, то вамъ сперва придется привести себя въ равновѣсіе съ нашей средней литературой и поработать порядочно. Вамъ придется оглянуться назадъ и узнать, что хотѣли и провели Шлегели, и затѣмъ вамъ придется прочесть всѣхъ, всѣхъ новѣйшихъ авторовъ, Франца Горна, Гофмана, Клаурена и т. п. И этого недостаточно. Вамъ придется просматривать всѣ газеты отъ *Утренняя* листка до *Вечерней* газеты, чтобы знать

все, что появилось вновь, и на это вамъ придется потратить много часовъ и дней. Затѣмъ, чтобъ основательно говорить о всѣхъ новыхъ книгахъ, вамъ мало будетъ ихъ перелистывать, а придется внимательно прочитывать. Какъ это вамъ покажется! И наконецъ, найдя дурное дурнымъ, вы не посмѣете высказать этого, иначе вамъ предстоитъ опасность воевать со всѣми. — Нѣтъ, повторяю, откажитесь отъ предложенія: это не ваше дѣло. Пуще всего бойтесь разбрасываться, и сосредоточивайте свои силы. Будь я столь мудръ тридцать лѣтъ назадъ, я написалъ бы совсѣмъ другія вещи. Сколько мы потратили съ Шиллеромъ времени по пустому надъ *Орами* и *Альманахомъ музъ*! Именно на дняхъ, пересматривая наши тогдашнія письма, я живо представилъ себѣ все это, и я не могу безъ досады думать объ этихъ предпріятіяхъ, которыя намъ не принесли никакой пользы и за что насъ судили вкривь и вкось. Талантъ, конечно, думаетъ, что онъ можетъ дѣлать то, что дѣлаютъ другіе; но это не такъ, и придется раскаиваться въ своихъ *faux-frais*. Какая намъ польза, если мы на ночь завьемъ волосы? Только то и случится, что волосы пробудутъ въ бумагѣ, а на слѣдующій вечеръ кудри распустятся. Вамъ слѣдуетъ стараться составить себѣ неприкосновенный капиталъ. И этого вы достигнете, продолжая изученіе англійскаго языка и литературы. Не бросайте этого, и пользуйтесь ежечасно случаемъ говорить съ молодыми англичанами. Въ юности древніе языки почти ускользнули отъ васъ; ищите же себѣ основы въ литературѣ такого *дѣловитаго* народа, какъ англичане. Притомъ, наша собственная литература большею частью вышла изъ англійской. Откуда взялись наши романы, наши трагедіи, какъ

не изъ Гольдшмита, Фильдинга и Шекспира? Да и теперь, гдѣ вы найдете въ Германіи трехъ такихъ литературныхъ героевъ, которыхъ можно бы поставить рядомъ съ лордомъ Байрономъ, Муромъ и Вальтеръ-Скоттомъ? И такъ, еще разъ, совершенствуйтесь въ англійскомъ языкѣ, сосредоточивайте ваши силы на достойномъ и пропускайте мимо все, что для васъ окажется безполезнымъ и *что къ вамъ нейдетъ*».

Я былъ радъ, что заставилъ Гете высказаться и, почувствовавъ себя спокойнымъ, рѣшился во всемъ слѣдовать его совѣту.

Доложили о канцлерѣ Мюллерѣ; онъ подѣлъ къ намъ. Разговоръ снова перешелъ къ бюсту Данте, къ его жизни и сочиненіямъ. Особенно говорили о темнотѣ, нѣкоторыхъ его произведеній, которыхъ не понимаютъ даже его соотечественники; тѣмъ труднѣе для иностранца проникнуть сквозь этотъ мракъ. «Вамъ», дружески обратился ко мнѣ Гете, «поэтому воспрещается изученіе этого поэта вашимъ духовнымъ отцомъ».

Гете далѣе замѣтилъ, что труднопонимаемость Данте зависитъ значительно отъ трудности размѣра. Вообще Гете говорилъ о Данте съ полнымъ благоговѣніемъ, причемъ я подивился, что онъ не называлъ его талантомъ, но «натурой», желая этимъ словомъ выразить нѣчто болѣе обширное, пророческое, болѣе глубокое и широкое по взгляду¹⁾.

¹⁾ Гете въ интимныхъ разговорахъ дѣлилъ все человѣчество на два класса: одни—*куклы*, исполняющія хорошо, или дурно выученныя роли и куда принадлежитъ большинство; другіе—*натуры*, оставшіяся такими, какъ ихъ создалъ Богъ.

Пятница, 3-го декабря 1824.

Подъ вечеръ я пошелъ къ Гете. Онъ дружески протянулъ мнѣ руку и похвалилъ мое стихотвореніе на юбилей Шелльгорна¹⁾. Я ему сказалъ, что уже написалъ отказъ отъ англійскаго предложенія. «Слава Богу», сказалъ онъ, «что вы попрежнему свободны и спокойны. Теперь я васъ остерегу еще отъ одной вещи. Явятся композиторы и будутъ просить написать либретто; будьте такъ же тверды, и отклоняйте предложеніе, потому что это тоже ни къ чему неведущая вещь и пустая трата времени».

Гете затѣмъ сообщилъ мнѣ, что при посредствѣ Несса фонъ-Эзенбека²⁾ онъ послалъ въ Боннъ афишу автору *Parin*, чтобы извѣстить его что пьесу играли въ Веймарѣ. «Жизнь коротка», сказалъ онъ, «надо пользоваться случаемъ, чтобъ позабавиться».

Передъ нимъ лежали берлинскія газеты, и онъ разсказалъ мнѣ объ огромномъ наводненіи въ С.-Петербурѣ. Онъ говорилъ затѣмъ о плохомъ мѣстоположеніи Петербурга, и кстати посмѣялся надъ мнѣніемъ Руссо, который сказалъ, что постройкой города близъ огнедышащей горы нельзя избѣгнуть землетрясенія. «Природа идетъ своимъ путемъ», сказалъ онъ, «и то, что считается исключеніемъ, бываетъ правиломъ».

Затѣмъ мы говорили о большихъ буряхъ, которыя свирѣпствуютъ на всѣхъ берегахъ, и о другихъ грозныхъ явленіяхъ природы, о коихъ говорится

¹⁾ Совѣтникъ Шелльгорнъ праздновалъ свой служебный юбилей.

²⁾ Знаменитый ботаникъ.

въ газетахъ. Я спросилъ Гете, извѣстно ли что либо о связи этихъ явленій. «Никто этого не знаетъ», отвѣчалъ Гете, «едва можно про себя предчувствовать нѣчто объ этихъ таинственныхъ вещахъ; тѣмъ менѣе можно ихъ выразить словами».

1825.

Понедѣльникъ, 10-го января 1825.

Питая великій интересъ къ англійскому народу, Гете просилъ меня постепенно представлять ему пріѣзжающихъ сюда англичанъ. Сегодня, въ пять часовъ, онъ ждалъ меня съ англійскимъ инженеромъ г. Г., котораго я хвалилъ ему раньше. Въ назначенный часъ мы отправились; слуга провелъ насъ въ нагрѣтую комнату, гдѣ Гете любитъ сидѣть послѣ обѣда и вечеромъ. На столѣ горѣло три свѣчи; Гете тамъ не было; мы слышали, что онъ разговариваетъ въ сосѣдней залѣ.

Г. Г. сталъ осматриваться и замѣтилъ, сверхъ картинъ и большой орографической карты на стѣнахъ, этажерку со многими картонами; я объяснилъ ему, что въ нихъ хранятся собственноручные рисунки знаменитыхъ мастеровъ и гравюры съ лучшихъ картинъ всѣхъ школъ; Гете ихъ собиралъ всю жизнь и теперь любитъ пересматривать.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, вошелъ Гете и дружески поздоровался съ нами. «Я заговорилъ съ вами прямо по-нѣмецки», обратился онъ къ г. Г., «потому что слышалъ, что вы бѣгло говорите

на нашемъ языкѣ». Тотъ возразилъ съ улыбкой, и Гете пригласилъ насъ садиться.

Личность г. Г., вѣроятно, произвела на Гете хорошее впечатлѣніе, ибо онъ сегодня показалъ иностранцу и свою любезную обходительность, и свою ясную *сердечность* во всей ихъ красотѣ.

— Вы прекрасно сдѣлали, сказалъ онъ, — что пріѣхали къ намъ учиться по-нѣмецки; здѣсь вы не только легко и скоро овладѣете языкомъ, но ознакомитесь и съ элементами, на коихъ онъ зиждется: съ нашей почвой, климатомъ, образомъ жизни, нравами, общительностью, государственнымъ устройствомъ и прочая, и все это увезете въ Англію въ своей головѣ.

— Теперь въ Англіи очень интересуются нѣмецкимъ языкомъ, сказалъ г. Г., — онъ съ каждымъ днемъ распространяется все больше, и теперь рѣдко можно встрѣтить молодого англичанина изъ хорошей фамиліи, который не зналъ бы по-нѣмецки.

— Мы, нѣмцы, съ улыбкой сказалъ Гетѣ, — опередили васъ въ этомъ отношеніи на цѣлыхъ полъ-вѣка; я вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ занимаюсь англійскимъ языкомъ и литературою, а потому хорошо знаю вашихъ писателей, вашу жизнь и учрежденія вашей страны. Поѣзжай я въ Англію, я не чувствовалъ бы себя тамъ иностранцемъ. Но, повторяю, ваша молодежь прекрасно дѣлаетъ, что пріѣзжаетъ теперь къ намъ и учится нашему языку. Не только наша собственная литература заслуживаетъ этого, но добавокъ нельзя отвергать, что, зная хорошо по-нѣмецки, можно обойтись безъ знанія многихъ языковъ. Не говорю о французскомъ; это разговорный языкъ и необходимъ, особенно въ путешествіи: его всякій понимаетъ и всюду онъ можетъ замѣнить хорошаго переводчика. Но что касается греческаго,

латинскаго, итальянскаго и испанскаго, то выдающіяся произведенія этихъ народовъ мы можемъ читать въ нѣмецкихъ переводахъ на столько хорошихъ, что намъ нѣтъ причины, безъ особой цѣли, тратить время на трудное изученіе этихъ языковъ. Въ нѣмецкой натурѣ есть способность цѣнить все иностранное, каждое въ своемъ родѣ, и усваивать себѣ чужія особенности. Вслѣдствіе этого, а равно большой гибкости нашего языка, нѣмецкіе переводы превосходны и вѣрны. А нельзя не сознаться, что вообще, при помощи хорошаго перевода, можно пойти далеко. Фридрихъ Великій не зналъ по латыни, но прочелъ Цицерона по-французски также хорошо, какъ въ оригиналѣ.

Затѣмъ разговоръ обратился къ театру, и Гете спросилъ г. Г. часто ли онъ тамъ бываетъ.

— Я хожу на каждое представленіе, отвѣчалъ тотъ, — и нахожу, что это весьма полезно для пониманія языка.

— Удивительно, замѣтилъ Гете, — что ухо и вообще способность понимать предшествуетъ умѣнью говорить; случается, что человѣкъ понимаетъ рѣшительно все, и ни коимъ образомъ не можетъ говорить.

— Я ежедневно убѣждаюсь въ справедливости этого замѣчанія, отвѣчалъ г. Г.; я прекрасно понимаю все, что говорятъ, а также все, что читаю; даже чувствую, когда дѣлаютъ ошибки противъ нѣмецкаго языка. Но, говоря, запинаюсь и не умѣю вполнѣ выразить, что хочу. Я говорю удачно, когда приходится вести легкій разговоръ при дворѣ, или болтать съ дамами, или во время танцевъ. Но только я вздумая выразить по-нѣмецки мое мнѣніе о высокихъ предметахъ, или сказать что нибудь умное и характерное, сейчасъ и запнусь, и ни съ мѣста.

— Утѣштесь и успокойтесь, сказалъ Гете, — намъ и самимъ трудно говорить на родномъ языкѣ о необычныхъ предметахъ.

Затѣмъ Гете спросилъ г. Г., что онъ читалъ по нѣмецки. «Я прочелъ *Эмонта*, отвѣчалъ тотъ, и книга мнѣ такъ понравилась, что я перечелъ ее три раза. Мнѣ доставилъ также большое удовольствіе и *Торквато Тассо*. Теперь я читаю *Фауста*, но нахожу что онъ труденъ». Гете улыбнулся при послѣднихъ словахъ. «Конечно, сказалъ онъ, — я не посовѣтовалъ бы вамъ пока браться за *Фауста*. Это сумашедшее произведеніе и внѣ всѣхъ обиходныхъ ощущеній. Но вы принялись за него безъ моего совѣта, а потому и смотрите сами, какъ вы съ нимъ справитесь. Фаустъ столь исключительная личность, что только немногіе могутъ раздѣлять его душевныя состоянія. Равно и характеръ Мефистофеля также слишкомъ труденъ по причинѣ его ироніи и потому что онъ оживотворенный результатъ долгаго наблюденія надъ свѣтомъ. *Тассо* же гораздо ближе къ общему человѣческому чувству, и законченность формы способствуетъ скорѣйшему пониманію. — «Однако, замѣтилъ г. Г., — въ Германіи *Тассо* считается труднымъ, и многіе удивлялись, слыша отъ меня что я его читалъ». — «Для пониманія *Тассо*, отвѣчалъ Гете, — надо быть только взрослымъ и жить въ хорошемъ обществѣ. Онъ не покажется труднымъ для молодаго человѣка изъ хорошей фамиліи, у котораго достаточно ума и сердечной деликатности и который обладаетъ тѣмъ внѣшнимъ образованіемъ, какое пріобрѣтается отъ общенія съ настоящими представителями высшаго и высочайшаго сословія».

Разговоръ перешелъ на *Эмонта*, и Гете ска-

заль слѣдующее: «Я написалъ *Эмонта* въ 1775 г., стало быть, пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Я очень вѣрно придерживался исторіи и стремился, по возможности, къ правдѣ. Когда, десять лѣтъ позже, я былъ въ Римѣ, то прочелъ въ газетахъ, что нарисованныя мною сцены революціи буквально повторились въ Нидерландахъ. Изъ этого я увидѣлъ, что свѣтъ остается все тѣмъ же, и что въ моемъ изображеніи, должно быть, есть настоящая жизнь».

Между тѣмъ приблизилось время идти въ театръ; Гете дружески отпустилъ насъ. Я спросилъ г. Г., какъ ему понравился Гете. «Я никогда не видалъ человѣка, который при такой пріятной мягкости въ обращеніи обладалъ бы такимъ достоинствомъ. Онъ равно великъ, снисходить ли онъ къ человѣку или желаетъ показаться ему важнымъ».

Вторникъ, 18-го января 1825.

Я пошелъ сегодня въ пять часовъ къ Гете, котораго не видѣлъ уже нѣсколько дней, и провелъ съ нимъ прекрасный вечеръ. Онъ сумерничалъ въ своемъ кабинетѣ, разговаривая съ сыномъ и придворнымъ совѣтникомъ Рэбейномъ, своимъ врачомъ. Я подсѣлъ къ нимъ. Мы еще посумерничали, затѣмъ внесли свѣчи, и я былъ радъ, увидѣвъ что Гете вполне свѣжъ и веселъ.

По обычаю, онъ участливо спросилъ меня, что новаго видѣлъ я на дняхъ, и я сказалъ ему, что познакомился съ одной поэтессой. Я похвалилъ тотчасъ же ея не совсѣмъ обыкновенный талантъ, и Гете, зная нѣкоторыя изъ ея произведеній, согласился со мною. «Одно изъ ея стихотвореній, гдѣ она описываетъ свою родину», сказалъ онъ, «носить на себѣ въ высшей степени своеобразный характеръ».

У нея вѣрный взглядъ на внѣшнія предметы и нѣтъ недостатка въ добрыхъ душевныхъ свойствахъ. Конечно, я могъ бы во многомъ еще упрекнуть ее, но пусть она идетъ своей дорогой, на которой ей не дастъ заблудиться талантъ».

Разговоръ перешелъ на поэтессъ вообще, и придворный совѣтникъ Рэбейнъ замѣтилъ, что поэтический талантъ женщинъ ему часто представлялся нѣкотораго рода духовнымъ стремленіемъ къ размноженію. «Слышите?» смѣясь сказалъ Гете, взглянувъ на меня, «духовное стремленіе къ размноженію! какъ докторъ это толкуетъ!—«Я не знаю, хорошо ли я выразился, продолжалъ Рэбейнъ, но тутъ есть нѣчто подобное. Обыкновенно эти существа не знаютъ любовной взаимности, и ищутъ замѣны его въ умственномъ отношеніи. Выйди онѣ во-время замужъ и будь у нихъ дѣти, онѣ не стали бы и думать о поэтическомъ творествѣ».

— Я не стану изслѣдовать на сколько вы правы въ данномъ случаѣ, сказалъ Гете; но я постоянно замѣчалъ, что женщины съ нѣкоторыми талантами, теряютъ ихъ, выходя за мужъ. Я зналъ дѣвушекъ, которыя отлично рисовали, но только онѣ становились женами и матерями, все пропадало; онѣ начинали возиться съ дѣтьми и уже не брали карандаша въ руки. Но пусть наши поэтессы, весело добавилъ онъ,—сочиняютъ и пишутъ сколько имъ угодно, только бы мужчины не писали какъ женщины! Это мнѣ не нравится. А загляните въ наши повременныя изданія и альманахи, какъ все слабо и съ каждымъ днемъ становится все слабѣе. Еслибъ въ *Morgenblatt* напечатать теперь одну главу *Челлини*, какъ бы она выдалась! Но, еще веселѣе сказалъ онъ,—оставимъ это и порадуемся на нашу му-

жественную дѣвицу ¹⁾ изъ Галле, которая съ такимъ мужескимъ умомъ вводитъ насъ въ сербскій міръ. Пѣсни великолѣпны! Есть между ними такія, что можно поставить на ряду съ *Пѣснями пѣсней*,—а это не мало. Я кончилъ замѣтку объ этихъ пѣсняхъ, и она почти напечатана. Съ этими словами онъ подаль мнѣ четыре отпечатанные листа новаго выпуска *Искусство и Древность*, гдѣ была помѣщена замѣтка.—Я въ краткихъ словахъ характеризовалъ содержаніе отдѣльныхъ пѣсень, и нельзя не порадоваться богатству мотивовъ. Рэбейнъ не чуждъ поэзіи, покрайнѣй мѣрѣ по скольку дѣло касается содержанія и матеріала, и, быть можетъ, не откажется прослушать это мѣсто.

Я сталъ медленно читать содержаніе отдѣльныхъ пѣсень. Указанныя положенія были столь отчетливы, столь живописны, что у меня передъ глазами представлялась при каждомъ словѣ цѣлая поэма. Особенно мнѣ понравились слѣдующія:

1. Скромность сербской дѣвицы; никогда она не подыметъ своихъ чудныхъ рѣсницъ.
2. Душевная борьба влюбленнаго, которому приходится быть дружкой на свадьбѣ любимой дѣвушки.
3. Безпокойсь о своемъ миломъ, сербская дѣвушка не хочетъ пѣть, чтобъ не показаться веселой.
4. Жалоба на порчу нравовъ: молодецъ женится на вдовѣ, старикъ на дѣвушкѣ.
5. Молодецъ жалуется, что мать даетъ дочкѣ слишкомъ много воли.
6. Веселый и доверчивый разговоръ дѣвушки съ конемъ, который открываетъ ей желанія и мысли своего хозяина.

¹⁾ Тереза Альбертина Луиза фонъ-Якобъ.

7. Дѣвушка не хочетъ идти за немилаго.

8. Хорошенькая служанка въ харчевнѣ; между гостями нѣтъ ея милаго.

9. Встрѣча и нѣжное пробужденіе влюбленныхъ.

10. Какимъ ремесломъ будетъ заниматься мужъ?

11. Веселая любовная болтовня.

12. Милый возвращается съ чужбины; слѣдить за нею днемъ, нечаянно радуется ночью.

Я замѣтилъ, что эти мотивы сами по себѣ представляются мнѣ столь живыми, какъ будто я уже прочелъ стихи и что, потому, во мнѣ нѣтъ желанія узнать, какъ они выполнены.

— Вы вполне правы, сказадъ Гете,—такъ оно и есть. Но изъ этого вы видите, какую важность имѣютъ мотивы, чего никто не хочетъ признать. Наши дамы не имѣютъ о томъ даже предчувствія. Стихотвореніе хорошо, говорятъ онѣ, и при этомъ думаютъ только о чувствахъ, словахъ и стихѣ. Но никто не думаетъ о томъ, что истинная сила и дѣйствіе стихотворенія заключаются въ положеніи, въ мотивѣ. На этомъ-то основаніи и пишутся тысячи стихотвореній, гдѣ мотивъ вполне ничтоженъ и гдѣ только чувство и звучный стихъ обнаруживаютъ нѣкотораго рода существованіе. Вообще, самое слабое понятіе о поэзіи имѣютъ любители и женщины. Они полагаютъ что, совладавъ съ техникой, они уже обладаютъ всѣмъ и стали настоящими поэтами; но они весьма ошибаются.

Доложили о профессорѣ Римерѣ; придворный совѣтникъ Рэбейнъ откланялся. Продолжался разговоръ о мотивахъ сербской поэзіи. Римеръ уже зналъ, о чемъ была рѣчь, и онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что не только на основаніи вышеуказаннаго изложенія содержанія можно написать стихи, но

что тѣ же мотивы, раньше чѣмъ о нихъ узнали изъ сербскихъ пѣсенъ, были уже употреблены и обработаны нѣмцами. Онъ думалъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній, а мнѣ во время чтенія вспоминались нѣкоторые стихи Гете.

— Міръ всегда остается тѣмъ же, сказалъ Гете, — положенія повторяются: одинъ народъ живетъ, любить и чувствуетъ, какъ другой; почему же одному поэту не писать того же, что писалъ другой? Житейскія положенія одинаковы; почему же не могутъ быть одинаковыя положенія въ стихахъ?

— И именно въ силу этой одинаковости жизни и чувствъ, сказалъ Римеръ, — мы и можемъ понимать поэзію другихъ народовъ. Не будь этого, мы не знали бы даже, о чемъ идетъ рѣчь въ иностранныхъ стихахъ.

— Поэтому, вставилъ и я свое слово, — меня всегда удивляли ученые, которые, повидимому, полагають, что въ поэзіи въ стихи переходитъ не жизнь, а книга. Они всегда твердятъ: это онъ взялъ оттуда, а это оттуда! Напримѣръ, найдутъ въ Шекспирѣ мѣсто, которое встрѣчается у древнихъ, значитъ онъ заимствовалъ у нихъ. Такъ, между прочимъ, у Шекспира есть положеніе, гдѣ, видя красивую дѣвушку, кто-то говорить, что счастливы родители, зовущіе ея дочерью, и счастливъ юноша, который введетъ ее, какъ невѣсту, въ свой домъ. И потому что у Гомера есть то же самое, утверждаютъ будто Шекспиръ заимствовалъ у Гомера. Удивительно! Точно за такими вещами надо было отправляться въ такую даль, точно это не встрѣчается и не говорится ежедневно на нашихъ глазахъ.

— Да, это ужасно смѣшно, сказалъ Гете.

— Даже самъ лордъ Байронъ, продолжалъ я, —

поступаетъ не умѣе, когда онъ разбираетъ по кусочкамъ вашего *Фауста*, и выражаетъ мнѣніе, что вы взяли одно отсюда, а другое оттуда¹⁾.

— Всѣ эти прелести, на которыя указываетъ лордъ Байронъ, сказалъ Гете,—я по большей части не читалъ, а еще меньше думалъ о нихъ, когда писалъ *Фауста*. Но лордъ Байронъ великъ только тогда, когда бываетъ поэтомъ; разсуждаетъ же онъ по-дѣтски. Точно также онъ не умѣетъ какъ слѣдуетъ защититься отъ подобныхъ глупыхъ упрековъ, которые слышатся противъ него въ его родной странѣ; онъ долженъ бы выразиться сильнѣе на этотъ счетъ. Онъ долженъ бы сказать: «что мной написано, то мое, а взялъ ли я это изъ книги, или изъ жизни—все равно; мое дѣло было употребить это кстати». Вальтеръ-Скоттъ воспользовался сценой

¹⁾ «Я только что прочелъ *Образцы старинныхъ драматическихъ поэтовъ*, Ч. Ламба; я удивился, найдя въ отрывкахъ изъ старинныхъ драматическихъ поэтовъ много идей, которыя считалъ своею исключительной принадлежностью. Вотъ отрывокъ изъ *Герцожины Мальерійской*, который удивительно походить на одно мѣсто въ *Донъ-Жуанъ*... Я не зналъ этихъ отрывковъ Ламба, я прочелъ ихъ сегодня въ первый разъ. Меня обвиняютъ въ плагиатѣ, я и не подозревалъ себя въ такомъ проступкѣ, хотя, признаюсь, не считаю грѣхомъ воспользоваться мыслью, которая мнѣ кажется удачною, не заботясь о ея происхожденіи. Можете ли вы сказать, насколько Шекспиръ заимствовалъ изъ потерянныхъ сочиненій своихъ современниковъ?.. И не слѣдуетъ забывать, что Джибберъ приспособлялъ пьесы Шекспира къ сценѣ. Не безызвѣстно, что заклинанія вѣдмъ рабская копія Миддлетона. Въ тѣ времена авторы не особенно церемонились. Если это преступленіе, то у меня нѣтъ претензіи считать себя невиновнымъ. Я укажу нѣсколько томовъ о кораблекрушеніяхъ, изъ которыхъ я взялъ кораблекрушеніе въ *Донъ-Жуанъ*. Нѣмцы, и, кажется, самъ Гете, говорятъ, что я много заимствовалъ изъ *Фауста*. Я знаю эту драму только по

изъ моего *Эмонта* и имѣлъ на то право; и такъ какъ онъ воспользовался съ умомъ, то достоинъ хвалы. Точно также въ одномъ изъ своихъ романовъ онъ написалъ подражаніе характеру моей Миньоны; но еще вопросъ, сдѣлалъ ли онъ это такъ же умно. *Преображенный чортъ*¹⁾ Байрона есть продолженіе Мефистофеля, и прекрасно! Еслибъ онъ уклонился отъ него по собственной фантазіи, то вышло бы хуже. Такъ и мой Мефистофель поетъ Шекспировскую пѣсню, а почему бы и нѣтъ? Къ чему мнѣ было трудиться и сочинять собственную, когда Шекспировская была столь же умѣстна и выражала именно то, что требовалось? А если и прологъ моего *Фауста* имѣетъ нѣкоторое сходство съ таковымъ *Иова*, то и это хорошо, и меня скорѣе слѣдуетъ за то хвалить, чѣмъ хулить.

дурному французскому переводу, да по одной или двумъ сценамъ въ англійскомъ переводѣ Монкъ-Льюса, которыя я прочелъ въ Диодати; я долженъ прибавить еще сцену на горѣ Гарцъ, которую недавно перевелъ Шелли. Я ни въ чемъ такъ ему не завидую, какъ въ томъ, что онъ можетъ читать это удивительное произведеніе въ оригиналѣ. Кстати объ оригинальности: Гете, конечно, настолько уменъ, что не станетъ утверждать, будто онъ ничѣмъ не обязанъ ни стариннымъ, ни новымъ поэтамъ. И кто, въ самомъ дѣлѣ, у нихъ не заимствовалъ? Вы мнѣ говорите, что почти вся интрига взята изъ Кальдерона. Видѣніе *Фауста* весьма напоминаетъ то же у Марло. Сцена на постели есть въ *Цимбелинѣ*. Пѣсня или серенада переводъ пѣсни *Офеліи* въ *Гамлетѣ*. Наконецъ, прологъ взятъ изъ книги *Иова*, самой первой въ свѣтѣ драмы и, быть можетъ, самой древней поэмы... У меня будетъ не мало комментаторовъ, которые станутъ разсѣкать мои мысли и найдутъ, кому онъ принадлежать (*Разговоры лорда Байрона съ Мефистофелемъ*).

¹⁾ The Disformed Transformed (собственно: преобразенный уродъ).

Гете былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ приказалъ принести бутылку вина и поподчивалъ Римера и меня; самъ же онъ пилъ маріенбадскую воду. Повидимому, въ этотъ вечеръ онъ хотѣлъ просмотрѣть съ Римеромъ рукопись своей автобіографіи ради того, можетъ быть, чтобъ исправить тѣ или другія выраженія. «Пусть и Эккерманнъ остается и слушаетъ», сказалъ Гете. — Я съ радостью согласился, и онъ подаль рукопись Римеру, который и сталъ читать, начиная съ 1795 г.

Въ теченіе лѣта я уже имѣлъ удовольствіе не разъ перечестъ всю эту, еще ненапечатанную, часть его біографіи. Но мнѣ доставило совершенно новое удовольствіе слушаніе ея въ присутствіи Гете. Римеръ обращалъ вниманіе на отдѣльныя выраженія, и я подивился его умѣлости и богатому запасу словъ и оборотовъ. Гете возбуждала описанная эпоха; онъ уходилъ въ воспоминанія и, при упоминаніи о томъ или другомъ лицѣ или случаѣ, пополнялъ написанное подробными разсказами. Вечеръ былъ драгоцѣнный! Разговоръ по нѣскольку разъ возвращался къ знаменитымъ его современникамъ, особенно къ Шиллеру, съ которымъ онъ съ 1795 до 1800 г. жилъ въ самой тѣсной дружбѣ. Ихъ обща дѣятельность была обращена на театръ; въ то же время Гете написалъ свои лучшія вещи; былъ оконченъ *Вильгельмъ Мейстеръ*, вслѣдъ затѣмъ была набросана и написана *Германъ и Доротея*, для *Орѣ* переведенъ Челлини, для Шиллерова *Альманаха музъ* они вмѣстѣ писали *Ксеніи*. Они видѣлись каждый день.

— *Германъ и Доротея*, сказалъ, между прочимъ, Гете, — почти единственная изъ моихъ большихъ поэмъ, которая доставляетъ мнѣ до сихъ поръ удо-

вольствіе; я не могу читать ее безъ душевнаго участія. Особенно нравится она мнѣ въ латинскомъ переводѣ; она представляется мнѣ въ немъ болѣе значительной, и по формѣ какъ бы возвращенной къ своему первоисточнику.

Говорили такъ же много о *Вильгельмѣ Мейстерѣ*.

— Шиллеръ, сказалъ Гете, не одобрялъ введенія трагическаго элемента, какъ непринадлежащаго къ роману. Но, какъ мы всѣ знаемъ, онъ ошибался. Въ его письмахъ ко мнѣ высказаны замѣчательные взгляды и мнѣнія на счетъ *Вильгельма Мейстера*. Впрочемъ, этотъ романъ принадлежитъ къ числу несоизмѣрныхъ вещей, но у меня самого нѣтъ къ нему ключа. Ищутъ въ немъ точки, около которой все сосредоточено; отыскать ее трудно, да лучше и не искать. Я смѣю думать, что богатая и разнообразная жизнь, проходящая передъ нашими глазами, сама по себѣ представляетъ нѣчто, и что при этомъ не требуется опредѣленной тенденціи, которая притомъ интересна только для ума. Еслибъ таковая, однако, потребовалась, то ее можно бы найти въ словахъ, съ которыми въ концѣ Фридрихъ обращается къ нашему герою: «Ты напоминаешь мнѣ Саула, сына Кисова, который пошелъ за пропавшими ослицами своего отца и нашелъ царство». Вотъ чего слѣдуетъ держаться. Въ самомъ дѣлѣ, въ сущности все означаетъ не что иное, какъ то, что человѣкъ, не смотря на всѣ глупости и заблужденія, достигаетъ однако счастливой цѣли, руководимый высокою десницею.

Затѣмъ говорили о той высокой культурѣ, которая распространилась въ Германіи въ среднемъ классѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; Гете полагалъ, что это заслуга не столько Лессинга, сколько

Виланда и Гердера. «Лессингъ былъ высокій умъ», сказалъ онъ, «и только таковой же можетъ его правильно понимать. Для полуспособныхъ онъ былъ опасенъ». Онъ назвалъ журналиста, выросшаго на Лессингѣ, и который въ концѣ прошлаго столѣтія игралъ роль, только отнюдь не благородную, потому что ему было далеко до своего великаго предшественника. «Вся сѣверная Германія обязана своимъ стилемъ Виланду», сказалъ Гете. «Она многому отъ него научилась, а въ томъ числѣ умѣнье выражаться, какъ слѣдуетъ—не малая вещь».

Говоря о *Ксеніяхъ*, Гете хвалилъ особенно тѣ, которыя принадлежатъ Шиллеру; онъ назвалъ ихъ острыми и разительными, свои же собственныя невинными и неважными. «*Кругъ животныхъ* написанъ Шиллеромъ», сказалъ онъ, «и я читаю его до сихъ поръ съ восхищеніемъ. Доброе вліяніе, которое онѣ въ свое время оказали на нѣмецкую литературу, не измѣримо». При этомъ было названо множество лицъ, противъ которыхъ были направлены *Ксеніи*; ихъ имена улетучились изъ моей памяти.

Послѣ этихъ и сотни другихъ интересныхъ сообщеній и отступленій, сказанная рукопись была прочтена и обсуждена до 1800 г.; затѣмъ Гете отложилъ бумаги въ сторону и приказалъ собрать намъ поужинать на концѣ большого стола, за которымъ мы сидѣли. Мы приняли ужинъ съ удовольствіемъ; самъ же Гете не дотронулся ни до кусочка; я никогда не видѣлъ, чтобъ онъ ѣлъ по вечерамъ. Онъ сидѣлъ подлѣ, угощалъ насъ, оправлялъ свѣчи, и, вдобавокъ, духовно оживлялъ насъ великолѣпными рѣчами. Воспоминаніе о Шиллерѣ было столь живо въ немъ, что остальная часть вечера была цѣликомъ посвящена ему.

Римеръ вспомнилъ наружность Шиллера. «Строе-
ніе его тѣла, его походка, всякое его движеніе ды-
шали гордостью», сказалъ онъ, «только глаза у него
были нѣжные». — Да, сказалъ Гете, — все въ немъ
было гордо и величественно, только глаза у него
были нѣжные. И, какова наружность, таковъ былъ
и его талантъ. Онъ смѣло брался за большой сю-
жетъ; онъ его разсматривалъ и поворачивалъ туда
и сюда, смотрѣлъ на него такъ и этакъ, направлялъ
его въ ту или другую сторону. Онъ смотрѣлъ на
сюжетъ какъ бы извнѣ; тихое развитіе изнутри
было не его дѣломъ. Его талантъ былъ для этого
слишкомъ непосѣдливъ (*desultorisch*)*). Поэтому онъ
не былъ рѣшителенъ и никогда не заканчивалъ
вещи. Часто онъ передѣлывалъ роли какъ разъ пе-
редъ репетиціей. И потому, что онъ вообще смѣло
брался за сюжетъ, онъ былъ противникъ большой
мотивировки. Я порядочно помучался съ нимъ, когда
онъ писалъ *Телля*; онъ хотѣлъ, чтобы Геслеръ
прямо срывалъ яблоко съ дерева и заставлялъ сбить
его съ головы мальчика. Это было вполне противно
моей натурѣ, и я уговорилъ его мотивировать та-
кую жестокость по крайности тѣмъ, чтобъ сынъ
Телля похвалился передъ ландфохтомъ, что его
отецъ такъ мѣтко стрѣляетъ, что собьетъ яблоко
съ дерева въ ста шагахъ. Шиллеръ сначала не со-
глашался, и наконецъ уступилъ моимъ доводамъ и
просьбамъ и послѣдовалъ моему совѣту. Я же, на-
противъ, часто черезчуръ мотивировалъ, и тѣмъ дѣ-
лалъ пьесы негодными для сцены. Моя *Евгенія* цѣ-
лая цѣпь мотивированныхъ дѣйствій, и не можетъ
потому имѣть успѣха на сценѣ.

«Талантъ Шиллера былъ созданъ прямо для

*) Еще ближе было бы перевести: «прыгающій». Д. А.

сцены. Съ каждой вещью онъ шелъ впередъ и совершенствовался; но удивительно, что еще со времени *Разбойниковъ* къ нему точно прилипла какая-то любовь къ жестокому, и онъ не могъ отъ нея отдалиться даже въ свои лучшіе дни. Я прекрасно помню, что въ *Эмонтъ*, въ той сценѣ, когда ему въ тюрьмѣ читають смертный приговоръ, Шиллеръ хотѣлъ, чтобъ являлся Альба въ маскѣ, закутанный плащомъ, и наслаждался впечатлѣніемъ, которое производитъ на Эгмонта смертный приговоръ. Такимъ образомъ Альба являлся бы ненасытнымъ въ мести и злорадствѣ. Я, однако, протестовалъ, и Альбу убрали.

«Шиллеръ былъ и великій, и удивительный человекъ. Каждую недѣлю онъ становился инымъ и все совершеннѣе; всякій разъ, какъ я его видѣлъ, онъ являлся болѣе начитаннымъ, ученымъ и умнымъ. Его письма ко мнѣ хорошіе подарокъ на память, и они принадлежатъ къ числу лучшихъ его произведеній. Послѣднее его письмо я храню, какъ святыню между моими сокровищами».

Гете всталъ и досталъ письмо. «Посмотрите и прочтите», сказалъ онъ мнѣ, подавая письмо. Оно было написано красивымъ и смѣлымъ почеркомъ. Оно заключало въ себѣ сужденія о примѣчаніяхъ Гете къ *Племяннику Рамо*; эти примѣчанія касательно тогдашней французской литературы Гете далъ Шиллеру въ рукописи на просмотръ. Я прочелъ письмо Римеру. «Видите, какъ мѣтки и связны его сужденія», сказалъ Гете, «а въ почеркѣ нѣтъ и слѣда какой либо слабости. Онъ былъ великодушный человекъ, и отошелъ отъ насъ въ полной силѣ. Это письмо отъ 24-го апрѣля 1805 г., а Шиллеръ умеръ 9-го мая».

Мы поочередно разсматривали письмо и восхищались и ясностью мысли, и прекрасным почеркомъ; Гете еще долго и любовно вспоминалъ о своемъ другѣ, но пробило уже одиннадцать часовъ, и мы разошлись.

Четвергъ, 24-го февраля 1825.

«Еслибъ я управлять еще театромъ», сказалъ сегодня вечеромъ Гете, «я поставилъ бы *Марино Фальеро* Байрона. Конечно, пьеса длинна и ее надо сократить; но въ ней ничего не надо урѣзывать и вычеркивать, а сдѣлать вотъ какъ: надо усвоить себѣ содержаніе каждой сцены и передать ее въ болѣе краткомъ видѣ. Пьеса такимъ образомъ сожмется и перемѣны не повредятъ ей; она отъ этого произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе и не потеряетъ ничего существеннаго изъ своихъ красотъ».

Это мнѣніе Гете породило во мнѣ новый взглядъ, какъ слѣдуетъ поступать въ театрѣ въ сотнѣ подобныхъ случаевъ; конечно, такая метода требуетъ умной головы, даже поэта, хорошо разумѣвающего дѣло.

Мы продолжали говорить о лордѣ Байронѣ, и я вспомнилъ, какъ онъ въ своихъ разговорахъ съ Медвиномъ выразился, что писать для театра—трудное и неблагодарное дѣло. «Дѣло сводится къ тому», сказалъ Гете, «чтобъ поэтъ сѣумѣлъ попасть на ту дорогу, которую приняли вкусъ и интересъ публики. Когда направленіе таланта совпадаетъ съ направлениемъ публики, получается успѣхъ. Въ своемъ *Портретѣ* Гоувальдъ попалъ въ эту точку,—отсюда его повсемѣстный успѣхъ. Лордъ Байронъ, вѣроятно, не былъ бы столь счастливъ, потому что его направленіе не сходилось съ таковымъ публики.

Тутъ никоимъ образомъ не спрашивается, великъ ли поэтъ; скорѣе тотъ, чья личность чуть возвышается надъ публикой, черезъ это самое и заслужитъ чаще общее благорасположеніе».

Мы продолжали говорить о лордѣ Байронѣ, и Гете удивлялся его необыкновенному таланту. «Я ни у кого не вижу въ высшей степени того, что называю изобрѣтеніемъ», сказалъ онъ. «Онъ разрѣшаетъ драматическіе узлы такъ, какъ и не ожидаешь, и всегда лучше, чѣмъ воображаешь себѣ».

— То же скажу я о Шекспирѣ, замѣтилъ я, особенно о его Фальстафѣ. Когда онъ черезчуръ заврется, то я спрашиваю себя: что бы я заставилъ его сдѣлать, чтобы онъ могъ выпутаться, и тутъ Шекспиръ превосходитъ всѣ мои измышленія. И если вы говорите нѣчто подобное о лордѣ Байронѣ, то это высочайшая похвала, которую только можно ему сдѣлать. Однако, добавилъ я,—во мнѣніи увлеченнаго читателя выигрываетъ тотъ поэтъ, который ясно видитъ и начало, и конецъ.

Гете согласился со мною и посмѣялся надъ лордомъ Байрономъ, который въ жизни ничѣмъ себя не стѣснялъ и не справлялся ни съ однимъ закономъ, и подчинился напоследокъ нелѣпѣйшему закону трехъ единствъ. «Онъ столь же мало понималъ основу этого закона, какъ и другіе, сказалъ Гете. Основа — ясность изображенія, и три единства хороши по столько, по сколько способствуютъ ея достиженію. Но, если единства препятствуютъ ясности, то неразумно смотрѣть на нихъ, какъ на законъ и слѣдовать имъ. Даже греки, отъ коихъ исходитъ этотъ законъ, не всегда ему слѣдовали: въ *Фазтонъ* Эврипида и въ другихъ пьесахъ мѣсто дѣйствія перемѣняется, и отсюда слѣдуетъ, что для

нихъ хорошее изложеніе сюжета было важнѣе, чѣмъ слѣпое преклоненіе передъ закономъ, который самъ по себѣ немного значить. Шекспиръ нарушалъ до крайней возможности единства времени и мѣста; но его пьесы ясны, нѣтъ ничего яснѣе ихъ, а потому и греки нашли бы ихъ безукоризненными. Французскіе поэты старались строжайшимъ образомъ слѣдовать закону трехъ единствъ, но они грѣшили противъ ясности, разрѣшая драмы не драматически, а при помощи разсказа»¹⁾.

Я при этомъ вспомнилъ о *Врагахъ* Гоувальда, гдѣ соблюденіе единства мѣста такъ повредило первому акту, и о *Гетцъ фонъ-Берлихененъ*, гдѣ елико возможно нарушены единства времени и мѣста, но дѣйствіе развивается вполне ясно. Затѣмъ я подумалъ, что единство времени и мѣста вполне естественно и соответствуетъ пониманію грековъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетъ настолько необъемистъ, что фактъ могъ бы въ непродолжительное время произойти на нашихъ глазахъ, но что при большемъ, происходящемъ въ различныхъ мѣстахъ дѣйствіи ограничивать его однимъ мѣстомъ тѣмъ менѣе нужды, что при нынѣшнемъ устройствѣ сцены лубые перемѣны не представляютъ препятствія²⁾.

¹⁾ Упрекъ не вполне справедливый. У грековъ разсказы въ трагедіяхъ дѣло обычное, и нерѣдко они встрѣчаются и въ концѣ пьесъ. Завистло это не столько отъ соблюденія закона единствъ (если таковой существовалъ въ древности,—что сомнительно), сколько отъ сосредоточенія трагическаго дѣйствія на одномъ лицѣ.

Д. А.

²⁾ Несомнѣнно однако, что слишкомъ частая перемѣна декораций развиваетъ впечатлѣніе и препятствуетъ сосредоточенію вниманія. Вотъ почему при постановкѣ Шекспира по возможности стараются избѣгать перемѣнъ и соединяютъ нѣсколько сценъ

Гете продолжалъ говорить о лордѣ Байронѣ:

«Впрочемъ, для его постоянно стремившейся къ неограниченному природы это ограниченіе, которое онъ наложилъ на себя соблюденіемъ единствъ, пошло впрокъ. Еслибъ онъ умѣлъ такъ же ограничить себя въ нравственномъ отношеніи! Онъ тѣмъ и губилъ себя, что не умѣлъ этого, и можно даже сказать, что погибъ оттого, что не держалъ себя въ уздѣ. Его собственная природа была для него темна. Онъ жилъ всегда страстью, изо дня въ день, и не зналъ и не думалъ, что онъ дѣлалъ. Позволяя себѣ все и не позволяя ничего другимъ, онъ долженъ былъ и погубить себя, и возстановить противъ себя всѣхъ. Еще въ началѣ своимъ *English Bards and Scotch Rewievers* онъ обидѣлъ лучшихъ литераторовъ. Затѣмъ, просто для того, чтобы жить, ему слѣдовало сдѣлать отступленіе. Но въ слѣдующихъ сочиненіяхъ онъ пошелъ дальше въ своей оппозиции и нападкахъ: онъ не пощадилъ ни государства, ни церкви. Эти безпощадныя выходки изгнали его изъ Англіи, и современемъ изгнали бы его и изъ Европы. Ему всюду было тѣсно и, при безграничной личной свободѣ, онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ; міръ былъ для него тюрьмою. Его отъѣздъ въ Грецію не былъ рѣшеніемъ свободной воли: онъ былъ къ тому подвигнутъ своимъ недоразумѣніемъ со всѣмъ свѣтомъ. То обстоятельство, что онъ отказался отъ всякаго преданія, отъ всякаго патріотизма, не только повело къ личной гибели такого замѣчательнаго человѣка, но его революціонное стремленіе

въ одну. Для зрителя весьма нерѣдко все равно, *идь* именно происходитъ данная сцена; вообще его болѣе интересуетъ *что* и *какъ* происходитъ.

Д. А.

и соединенныя съ нимъ душевныя волненія не дозволили должнымъ образомъ развиваться его таланту. Равнымъ образомъ, вѣчныя оппозиція и осужденіе, поскольку они отразились на его творчествѣ, въ высшей степени повредили и его замѣчательнымъ произведеніямъ, и не только потому, что недовольство поэта сообщается читателю, но и потому, что всякое оппозиціонное дѣйствіе выходитъ изъ отрицанія, а отрицаніе есть ничто. Когда я худое назову худымъ, то какая оттого польза? Но, если я хорошее назову худымъ, то будетъ великій вредъ. Кто хочетъ оказывать надлежащее дѣйствіе, не долженъ прибѣгать къ брани, не долженъ заботиться о томъ, что превратно, а долженъ всегда дѣлать доброе. Ибо дѣло не въ ломкѣ, а въ такомъ созданіи, гдѣ чело-вѣчество могло бы почерпнуть чистыя радости».

Эти величественныя слова оживляли меня; я радовался, слыша эти драгоцѣнныя изреченія.

«Лорда Байрона», продолжалъ Гете, «можно разсматривать, какъ чело-вѣка, какъ англичанина и какъ великій талантъ. Его добрыя свойства принадлежать ему какъ чело-вѣку; дурныя зависятъ оттого, что онъ былъ англичаниномъ и перомъ Англіи; его талантъ—величина несоизмѣримая. У всѣхъ англичанъ, какъ таковыхъ, не имѣется собственнаго разумѣнія: разсѣянная жизнь и духъ партій не позволяютъ имъ достигнуть спокойнаго развитія. Но, какъ практическіе люди, они велики. Такъ и лорду Байрону не удалось достигнуть пониманія самого себя; и вообще размышленіе ему не удавалось; напримѣръ, его девизъ: *мною денегъ и никакого начальства!* только доказываетъ, что большія деньги парализуютъ всякое начальство. Но ему удавалось творческое дѣло, и можно сказать, что вдохновеніе замѣняло ему раз-

мышленіе. Ему слѣдовало постоянно творить; тутъ все, чѣмъ сказывалось его человѣческое, особенно его сердце, было превосходно. Онъ творилъ, какъ женщины рожаютъ красивыхъ дѣтей; онѣ о томъ не думаютъ и сами не знаютъ, какъ это случается. Байронъ былъ великій, *прирожденный* талантъ и по моему ни у кого не было большей собственно поэтической силы. Въ вѣрномъ схватываніи внѣшняго міра, въ ясномъ прозрѣніи прошлаго, онъ такъ же великъ, какъ Шекспиръ. Но Шекспиръ превосходитъ его, какъ душевно чистая личность. И Байронъ прекрасно это чувствовалъ; поэтому онъ очень мало говорилъ о Шекспирѣ, хотя и зналъ изъ него наизусть цѣлыя страницы. Онъ охотно бы вовсе не признавалъ его, ибо Шекспировская ясность мѣшала ему; онъ чувствовалъ, что ее устранить нельзя. Попа онъ признаетъ потому, что его ему нечего было бояться. Онъ упоминаетъ о немъ и хвалитъ его всюду, гдѣ только можетъ, потому что прекрасно знаетъ, что Попа стѣна, о которую онъ можетъ опереться».

Гете былъ не истощимъ относительно Байрона, и я не могъ его наслушаться. Послѣ небольшихъ отступленій, онъ продолжалъ:

«Байрону очень вредило его высокое положеніе англійскаго пера; внѣшній міръ стѣсняетъ талантъ, а тѣмъ болѣе столь высокое рожденіе и столь большое состояніе. Извѣстное среднее состояніе выгоднѣе для таланта; вотъ почему всѣ великіе художники и поэты встрѣчаются въ среднемъ сословіи. Склонность Байрона къ неограниченному не была бы для него такъ опасна при незнатномъ родѣ и небольшомъ состояніи. Но онъ имѣлъ возможность привести въ исполненіе любую свою причуду, и по-

тому натыкался постоянно на исторіи¹⁾. И какимъ образомъ того, кто самъ былъ изъ высшаго сословія, могло ипмонировать и внушать ему уваженіе какое-либо высокое положеніе? Онъ выражалъ все, что волновалось въ немъ, и чрезъ это приходилъ въ неразрѣшимое столкновеніе со всѣмъ свѣтомъ.

«Нельзя не подивиться», продолжалъ Гете, «подумаешь какую огромную часть жизни богатый и знатный англичанинъ тратитъ на похищенія женщинъ и дуэли! Лордъ Байронъ самъ рассказываетъ, что его отецъ похитилъ трехъ женщинъ. Какъ же могъ быть у него разсудительный сынъ! Онъ, говоря правду, жилъ всегда естественною жизнью, и при образѣ его жизни онъ долженъ былъ ежедневно чувствовать необходимость личной обороны. Отсюда вѣчная стрѣльба изъ пистолета: всякое мгновеніе онъ могъ ждать вызова. Онъ не могъ жить въ одиночествѣ. Поэтому, не взирая на всѣ свои причуды, онъ былъ чрезмѣрно снисходителенъ относительно знакомствъ. Разъ вечеромъ онъ читалъ великолѣпное стихотвореніе на смерть генерала Мура, и его благородные друзья не знали, что имъ дѣлать. Байрона это не возмутило, и онъ спряталъ стихи въ карманъ. Какъ поэтъ, онъ явился тутъ совершеннымъ агнцемъ; другой всѣхъ бы ихъ послалъ къ чорту».

Среда, 20-го апрѣля 1825.

Сегодня вечеромъ Гете показалъ мнѣ письмо молодого студента, который проситъ у него плана второй части *Фауста*, ибо онъ самъ со своей сто-

¹⁾ «Странно, что стоило мнѣ серьезно пожелать чего нибудь, и я получалъ желаемое, и затѣмъ—раскаивался». (*Записки Байрона*).

роны имѣтъ намѣреніе докончить это произведеніе. Прямо, добродушно и откровенно онъ выкладываетъ свои желанія и взгляды, и въ заключеніе съ полной откровенностью заявляетъ, что ставитъ ни во что всѣ новѣйшія литературныя начинанія, и что въ немъ явится новый расцвѣтъ литературы. Если мнѣ придется въ жизни столкнуться съ молодымъ человѣкомъ, который вздумаетъ продолжать наполеоновское покореніе міра, или съ молодымъ любителемъ архитектуры, который захочетъ докончить Кельнскій соборъ, то я уже не удивлюсь, и не почту ихъ безумнѣе и смѣшнѣе этого любителя поэзіи, желающаго по доброй волѣ написать вторую часть *Фауста*.

Я даже думаю, что скорѣе можно достроить Кельнскій соборъ, чѣмъ продолжать *Фауста* по идеѣ Гете! Соборъ можно измѣрить математически во всѣхъ направленіяхъ, онъ стоитъ передъ нашими чувственными глазами, его можно ощупать руками. Но при помощи какихъ шнуровъ и мѣръ можно добраться до невидимаго духовнаго созданія, которое все покоится вполне на личности поэта, въ которомъ все въ зависимости отъ его міровоззрѣнія; созданія, матеріаломъ которому послужила долгая прожитая жизнь и для чьего исполненія требуется доведенная до мастерства техника?

Кто такое дѣло считаетъ легкимъ, даже просто возможнымъ, очевидно обладаетъ весьма ограниченнымъ талантомъ, именно потому, что не имѣтъ никакого уваженія къ высокому и трудному; можно даже утверждать, что, еслибъ въ *Фаустѣ* Гете не доставало всего нѣсколькихъ стиховъ, то и тогда такой юноша не могъ бы и ихъ написать удачно. Я не стану изслѣдовать, съ чего нашей нынѣшней

молодежи вообразилось, будто ей дается, какъ нѣчто прирожденное, все то, что доселѣ приобрѣталось только при помощи многолѣтнихъ изученій и опыта; но я считаю себя въ правѣ замѣтить, что столь часто нынѣ въ Германіи повторяемое мнѣніе о силѣ духа, который смѣло минуетъ всѣ ступени постепеннаго развитія, не подаетъ надежды на появленіе образцовыхъ произведеній.

«Бѣда въ томъ», сказалъ Гете, «что въ государствѣ никто не хочетъ жить и наслаждаться, а всякій хочетъ править, а въ искусствѣ никто не хочетъ наслаждаться уже существующимъ, а всякій хочетъ творить на свой пай. Никто также не желаетъ, чтобъ поэтическое созданіе способствовало его развитію на избранномъ пути; всякій хочетъ немедленно создать такое же. Никто также не заботится о цѣломъ, не думаетъ сдѣлать нѣчто цѣлое изъ любви къ предмету, но заботятся о томъ, какъ бы самому стать замѣтнымъ и по возможности выставить самого себя. Это ложное стремленіе замѣчается всюду, и въ этомъ обнаруживается подражаніе новѣйшимъ виртуозамъ, которые выбираютъ для исполненія не тѣ пьесы, которыя доставляютъ слушателямъ чистое музыкальное удовольствіе, а такія, гдѣ исполнитель можетъ заставить удивляться, до какой степени ловкости онъ достигъ. Всюду личность хочетъ показать себя во всемъ великолѣпіи, и нигдѣ не встрѣчается честнаго стремленія любовно подчинить себя цѣлому и самому предмету.

«Оттого происходитъ, что люди, сами того не зная, выпадаютъ въ школьническое сочинительство. Дѣти уже пишутъ стихи, и не останавливаются; юношами они воображаютъ, будто что нибудь да значутъ, но, наконецъ, они становятся взрослыми и узнаютъ,

что значить прекрасное, и ужасаются, сколько лѣтъ они потеряли на ложныя, въ высшей степени безплодныя усилія. А многіе никогда не достигаютъ до познанія совершеннаго и своей собственной недостаточности; эти до конца производятъ половинчатыя вещи. Несомнѣнно, что, еслибъ каждый зналъ въ раннихъ годахъ, сколько совершенныхъ вещей уже существуетъ и что требуется, чтобы произвести вещь, достойную стать съ ними рядомъ, то изоста пишущихъ стихи юношей едва ли одинъ почувствовалъ бы въ себѣ достаточно твердости, таланта и мужества, чтобъ покойно идти къ достиженію подобнаго мастерства. Многіе молодые живописцы не взяли бы и кисти въ руки, узнай и пойми они заблаговременно, что собственно сдѣлалъ такой мастеръ какъ Рафаэль».

Разговоръ пошелъ о ложныхъ стремленіяхъ вообще, и Гете продолжалъ:

«Мое стремленіе къ занятію пластическими искусствами было собственно ложное ¹⁾, потому что у меня не было къ нимъ природнаго расположенія и я не могъ развить его въ себѣ. У меня была извѣстная воспріимчивость къ красивымъ мѣстоположеніямъ, а потому мои первыя начинанія подавали надежду. Путешествіе въ Италію разрушило во мнѣ удовольствіе къ занятіямъ; я приобрѣлъ болѣе широкій взглядъ, но утратилъ плѣнявшую меня легкость въ работѣ; художественный талантъ не могъ развиться ни въ техническомъ, ни въ эстетическомъ отношеніи, а потому всѣ мои стремленія расплылись въ ничто. Справедливо говорятъ, что сово-

¹⁾ До сорока лѣтъ Гете желалъ и надѣялся стать замѣчательнымъ живописцемъ.

купное развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей желательно, и что въ немъ-то и есть совершенство. Но человѣкъ не рожденъ для такого совершенства, и всякій собственно долженъ образовывать себя, какъ особое существо, стараясь притомъ достигнуть пониманія, что такое мы всѣ вмѣстѣ».

Я вспомнилъ о *Вильгельмъ Мейстеръ*, гдѣ также высказано, что только всѣ люди въ совокупности составляютъ человѣчество, и что мы достойны почитенія по столько, по скольку сами умѣемъ цѣнить. Вспомнилъ я также о *Годахъ странствія*, гдѣ Ярно постоянно совѣтуетъ заниматься чѣмъ нибудь однимъ, и притомъ высказываетъ, что наше время— время односторонности (спеціальностей), и что того слѣдуетъ почитать счастливымъ, кто понимаетъ это и дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, какъ для себя, такъ и для другихъ. Но при этомъ спрашивается, какое каждому избрать занятіе, чтобъ не переступить положенныхъ границъ и не сдѣлать слишкомъ мало? Тѣмъ, кому придется имѣть надзоръ за различными занятіями, судить о нихъ и руководить ими, слѣдуетъ до возможной степени ознакомиться съ большимъ числомъ спеціальностей. Такъ, для государя или будущаго государственнаго человѣка многосторонность образованія никогда не будетъ излишней, ибо многосторонность входитъ въ предметъ ихъ занятій. Равнымъ образомъ поэтъ долженъ стремиться къ разнообразнымъ познаніямъ; потому что весь свѣтъ представляетъ матеріалъ, который онъ долженъ умѣть обрабатывать и выражать.

Но поэту не къ чему желать сдѣлаться живописцемъ; онъ долженъ довольствоваться изображеніемъ міра при помощи слова; подобно тому, какъ

онъ предоставляетъ актеру, при помощи личнаго изображенія, являть лицо передъ нашими глазами.

Слѣдуетъ различать *пониманіе* предмета отъ *занятія* имъ; слѣдуетъ помнѣть, что всякое искусство, какъ скоро оно переходитъ въ дѣло, становится труднымъ и великимъ, и для доведенія его до мастерства требуется цѣлая жизнь.

Такъ, Гете стремился къ многостороннему пониманію, но дѣло у него было одно. Онъ занимался, и при томъ какъ мастеръ, только однимъ искусствомъ, именно *писаніемъ по-нѣмецки* ¹⁾. Что матеріалъ, который ему приходилось обрабатывать, былъ весьма разнообразенъ, — совсѣмъ другое дѣло.

Слѣдуетъ также отличать образованіе отъ предмета постоянныхъ занятій. Напримѣръ, къ образованію поэта принадлежитъ упражненіе глаза къ всестороннему схватыванію внѣшнихъ предметовъ. И хотя Гете называлъ свои упражненія въ пластическихъ искусствахъ, по скольку онъ желалъ сдѣлать ихъ предметомъ постоянныхъ занятій, — ложнымъ стремленіемъ, но они были вполне уместны, по скольку способствовали его образованію, какъ поэта.

«Отчетливость и схожесть ²⁾ моихъ описаній», говорилъ Гете, «зависитъ отъ этой внимательности и упражненія глаза; я также высоко цѣню пріобрѣтенныя при помощи этого свѣдѣнія».

¹⁾ Въ 1790 г., будучи въ Венеціи, Гете писалъ: «Я брался за многое, я много рисовалъ, гравировалъ на мѣди, писалъ масляными красками, я довольно часто также лѣпилъ изъ глины; но у меня не было настойчивости, и я ничему не научился, ничего не сдѣлалъ. Только въ одномъ искусствѣ я сталъ мастеромъ, именно въ искусствѣ писать по-нѣмецки».

²⁾ Въ подлинникѣ одно слово: «Gegenständlichkeit». (Близкое подобіе).

Слѣдуетъ, однако, остерегаться, чтобъ не распространить черезчуръ границъ своего образованія. «Особенно это можетъ случиться съ естество-испытателями, потому что для наблюденія природы, дѣйствительно, требуется весьма гармоническое общее образованіе».

Напротивъ, всякій долженъ избѣгать ограниченія и односторонности въ знаніяхъ, которыя прямо принадлежать къ предмету его специальности. Поэтъ, желающій писать для театра, долженъ знать сцену, дабы имѣть возможность оцѣнить средства, которыми ему придется пользоваться; оперный композиторъ долженъ понимать въ поэзіи, чтобы различать дурное отъ хорошаго и не расточать своего искусства на нѣчто непригодное.

«Карлъ Марія Веберъ», говорилъ Гете, «не долженъ былъ писать *Эврипиды*; онъ долженъ былъ прямо видѣть, что это дрянной матеріалъ, съ которымъ ничего не подѣлаешь. Такого знанія можно требовать отъ всякаго композитора; оно принадлежитъ къ его искусству».

Живописецъ точно также долженъ знать, что можно рисовать и чего нельзя.

«Но самое великое искусство», говорилъ Гете, «состоитъ въ томъ, чтобъ сѣумѣть ограничить и уединить самого себя».

Все время, пока я находился при немъ, онъ остерегалъ меня отъ увлеченій въ сторону и старался, чтобъ я сосредоточился на одной специальности.

«Я много истратилъ времени», сказалъ онъ мнѣ однажды, «на вещи, которыя не относятся къ моему прямому дѣлу. Когда я вспомню, сколько написалъ Лопе де Вега, то число моихъ поэтическихъ произведеній кажется мнѣ ничтожнымъ. Мнѣ слѣдо-

вало больше держаться своего прямого дѣла. Еслибъ я не занимался такъ много камнями и употреблялъ свое время на что нибудь лучшее, то у меня могло бы быть теперь брилліантовое украшеніе».

По этой причинѣ онъ цѣнитъ и хвалитъ своего друга, Мейера, который всю свою жизнь посвятилъ исключительно изученію искусства и приобрѣлъ такимъ образомъ великія познанія въ этомъ дѣлѣ.

«Я также началъ рано заниматься этимъ», говорилъ Гете; «почти полъ жизни посвятилъ я на разсматриваніе и изученіе художественныхъ произведеній, и все же я не могу равняться съ Мейеромъ въ извѣстномъ отношеніи. Я поэтому весьма остерегаюсь показывать ему сейчасъ же новую картину, но сперва смотрю одинъ, чтобы знать, насколько я самъ могу судить. Когда мнѣ кажется, что я вполнѣ уяснилъ себѣ достоинства и недостатки картины, тогда я показываю ее Мейеру; онъ гораздо проникательнѣе меня и во многихъ отношеніяхъ указываетъ мнѣ на новыя точки зрѣнія. И я постоянно вновь убѣждаюсь, что значитъ быть дѣйствительно великимъ въ одномъ дѣлѣ. Въ Мейерѣ заключается разумѣніе искусства цѣлыхъ столѣтій¹⁾».

Быть можетъ спросятъ, почему Гете, будучи такъ твердо убѣжденъ, что у человѣка должно быть только одно дѣло, почему же онъ самъ всю жизнь

¹⁾ Гете говорилъ слѣдующее Фальку о Мейерѣ: «Мы всѣ, и Виландъ, и Гердеръ, и Шиллеръ, мы всѣ позволяли здѣшнему міру въ нѣкоторомъ смыслѣ надувать себя; оттого онъ не разсердится, если мы въ него вернемся. Но, насколько мнѣ извѣстно, съ Мейеромъ этого не было; онъ такъ ясенъ, и на все, на что онъ смотритъ, онъ глядитъ такимъ спокойнымъ, такимъ глубокоразумнымъ взглядомъ; онъ такъ проникаетъ предметъ, до того не подверженъ никакой смущающей страсти, ника-

занимался столь разносторонними предметами? На это я отвѣчу, что, явись Гете сегодня и застань онъ свой народъ на столь высокой ступени въ поэтическомъ и научномъ отношеніи, на которой онъ стоитъ теперь, благодаря преимущественно ему же, то навѣрно онъ не чувствовалъ бы побужденія къ разнообразной дѣятельности и, конечно, ограничился бы одной спеціальностью. Не кажись ему теорія Ньютона одной изъ величайшихъ ошибокъ его вѣка, развѣ онъ сталъ бы писать *Ученіе о цвѣтахъ* и посвящать столь постороннему для него предмету многолѣтній трудъ? Подобное надо сказать и о *Метаморфозахъ*; онъ не сталъ бы писать этого образца ученой диссертациі, еслибъ его современники усматривали дорогу, ведущую къ подобной цѣли. Точно также, вопросъ: сталъ ли бы Гете писать романъ, еслибъ уже существовало въ Германіи нѣчто подобное *Вильгельму Мейстеру*? И можно спросить: не посвятилъ ли бы онъ себя въ такомъ случаѣ исключительно драматической поэзій? Невозможно сказать, что бы онъ сдѣлалъ, еслибъ онъ отдался одному искусству; но навѣрное, принимая въ соображеніе все, ни одинъ разумный человекъ не пожелаетъ, чтобы Гете не выполнилъ того, на что угодно было подвигнуть его Создателю.

кому партійному духу,—что всегда видитъ карты въ той игрѣ, которую съ нами ведетъ природа. Поэтому его душѣ нечего и думать о возвращеніи на землю, потому что природѣ не нравится, когда такъ, безъ спроса, прозрѣваютъ ея игру, и, если отъ времени до времени является духъ, который открываетъ ту или иную изъ ея тайнъ, то тотчасъ являются господа, на обязанности которыхъ спрятать ее подъ спудъ».

Вторникъ, 22-го марта 1825.

Сегодня ночью, вскорѣ послѣ полуночи, я былъ разбуженъ пожарной тревогой; слышались крики: «театръ горитъ!»—Я мигомъ одѣлся и бросился на пожарище. Усилія пожарныхъ были тщетны. Нѣсколько въ сторонѣ, на столько близко, на сколько позволялъ жаръ, стоялъ человѣкъ въ плащѣ и военной фуражкѣ; онъ спокойно курилъ сигару. Съ перваго взгляда казалось, будто то былъ праздный зритель; но къ нему подходили разные лица, и онъ отдавалъ имъ краткіе приказы, которые немедленно исполнялись. То былъ великій герцогъ Карлъ-Августъ. Онъ скоро убѣдился, что театра спасти нельзя, и потому приказалъ отставать сосѣдніе дома, которые могли пострадать отъ сильнаго жара. Онъ, въ царственномъ самоотверженіи, казалось думалъ: «Пусть горитъ! Мы выстроимъ красивѣе.»

И онъ былъ правъ. Театръ былъ старъ, вовсе некрасивъ и давно уже сталъ тѣсенъ для возросшей съ каждымъ годомъ публики. Все же было грустно видѣть, какъ безпомощно погибаетъ это зданіе, съ которымъ для Веймара было связано столько великихъ и любезныхъ воспоминаній. Я видѣлъ, какъ изъ прекрасныхъ глазъ лились слезы; меня тронулъ также музыкантъ изъ оркестра: онъ оплакивалъ свою сгорѣвшую скрипку.

Когда разсвѣло, я увидѣлъ много блѣдныхъ лицъ; я замѣтилъ молодыхъ дѣвушекъ и дамъ изъ высшаго общества; онѣ всю ночь слѣдили за ходомъ пожара и теперь дрожали на холодномъ утреннемъ воздухѣ. Я пошелъ домой, чтобъ отдохнуть, и утромъ же отправился къ Гете.

Слуга сказалъ мнѣ, что онъ нездоровъ и въ по-

стели. Но онъ приказалъ позвать меня къ себѣ. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Мы все потеряли, но что-жъ дѣлать! Сегодня утромъ, когда я былъ въ постели, приходилъ Вольфъ¹⁾; онъ взялъ меня за руку и, глядя на меня во всѣ глаза, сказалъ: «Таковы-то дѣла человѣческія!» И что сказать, какъ не повторить этихъ словъ милаго моего Вольфа, которыми онъ хотѣлъ меня утѣшить? Мѣсто моихъ любимыхъ тридцатилѣтнихъ трудовъ теперь въ развалинахъ и пеплѣ. Но, какъ говоритъ Вольфъ, таковы-то дѣла человѣческія! Я почти не спалъ ночью; изъ оконъ на площадь я видѣлъ, какъ пламя безпрерывно подымалось къ небу. Вы понимаете, что у меня въ душѣ проходили воспоминанія о старыхъ годахъ, о моей многолѣтней дѣятельности съ Шиллеромъ, о томъ, какъ росли и зрѣли мои ученики. Все это не могло не взволновать меня; потому-то я считаю, что мнѣ благоразуміе нынче не вставать съ постели».

Я одобрилъ его благоразуміе. Но онъ не показался мнѣ ничуть ни слабымъ, ни опечаленнымъ; скорѣе онъ былъ въ покойномъ и ясномъ расположеніи духа. Желаніе остаться въ постели мнѣ показалось даже старой военной хитростью, къ которой онъ прибѣгаетъ при всякомъ необыкновенномъ происшествіи, чтобъ избавиться отъ множества посетителей и пороженныхъ рѣчей.

Гете попросилъ меня присѣсть на часокъ у его постели.

— Я много думалъ о васъ, сказалъ онъ,—и жалѣлъ васъ. Что вы теперь станете дѣлать по вечерамъ?

¹⁾ Въ подлинникѣ уменьшительное: Wöllfchen (Вольфикъ).

— Вы знаете, отвѣчалъ я,—какъ страстно люблю я театръ. Два года назадъ, какъ я пріѣхалъ сюда, я ничего не зналъ, кромѣ трехъ, четырехъ пьесъ, которыя видѣлъ въ Гановерѣ. Все мнѣ было ново—и труппа, и пьесы; слѣдуя вашему совѣту, я, не много думая и размышляя, вполне отдавался впечатлѣнію, и потому могу сказать по-истинѣ, что за эти двѣ зимы я провелъ въ театрѣ самые беззаботные и прекрасные часы. Я до того вѣлся въ театръ, что мало того, что не пропускалъ ни одного представленія, но выхлопоталъ себѣ доступъ на репетиціи; но и того мнѣ было мало: часто днемъ, проходя мимо театра и видя, что двери отперты, я заходилъ туда и присаживался на полчаса на пустыхъ скамьяхъ партера, воображая сцены, которыя могли бы разыгрывать предо мною.

— Вы счумасшедшій человѣкъ, смѣясь сказалъ Гете;—но я люблю такихъ. Дай Богъ, чтобъ вся публика состояла изъ такихъ дѣтей. И въ сущности вы правы; тутъ есть что-то такое. Кто не во все избалованъ и долго остается молодымъ, тому врядъ ли гдѣ будетъ такъ по себѣ, какъ въ театрѣ. Отъ васъ ничего не требуется; если вамъ угодно, то вы можете и рта не раскрывать; вы, какъ король, сидите въ полномъ удовольствіи и позволяете, чтобы предъ вами все спокойно совершалось, доставляя какое только можно пожелать наслажденіе вашему уму и чувству. Тутъ и поэзія, и живопись, и пѣніе, и музыка, и драматическое искусство, и чего только нѣтъ! И если въ одинъ и тотъ же вечеръ на насъ дѣйствуютъ всѣ эти искусства, вмѣстѣ съ прелестью юности и красоты, то это праздникъ, ни съ какимъ другимъ не сравнимый! Если даже только кое-что хорошо, а кое-что и дурно,

то все же это получше, чѣмъ глазѣть въ окно или сидѣть въ запертой комнатѣ и въ табачномъ дымѣ играть въ вистъ. Веймарскій театръ, какъ вы знаете, никакъ нельзя похулить: онъ все еще старый отпрыскъ нашего лучшаго времени; въ немъ образовались новые свѣжіе таланты, и мы все еще можемъ кое-что дѣлать, что и восхищаетъ, и нравится, и носить на себѣ по крайней мѣрѣ признакъ ансамбля.

— Желалъ бы я видѣть его двадцать-тридцать лѣтъ назадъ, вставилъ я.

— Тогда были обстоятельства, которыя намъ весьма помогали. Подумайте, что тогда едва закончился скучный періодъ французскаго вкуса и публика была еще не избалована; что Шекспиръ дѣйствовалъ еще какъ новость, оперы Моцарта были еще свѣжы, и что, наконецъ, Шиллеръ писалъ каждый годъ пьесы и онѣ ставились здѣсь, въ Веймарѣ, подъ его руководствомъ, и являлись въ своемъ первичномъ блескѣ,—и вы поймете, что такими блодами можно было угодить и старому, и малому, и что публика намъ была всегда благодарна.

— Люди постарше, жившіе въ то время, замѣтилъ я,—не могутъ нахвалиться тогдашнимъ веймарскимъ театромъ.

— Не стану отвергать, что кое-что было. Вся суть была въ томъ, что великій герцогъ представилъ мнѣ полную свободу дѣйствія, и я могъ распоряжаться по произволу. Я не гонялся за великолѣпными декораціями и блестящими костюмами, а за хорошими пьесами. Всѣ роды отъ трагедіи до фарса были годны для меня; но, чтобъ быть поставленной, пьеса должна была заключать въ себѣ извѣстные достоинства. Она могла быть велика, сильна, весела, граціозна, но непременно должна была быть

произведеніемъ здоровымъ и содержать въ себѣ нѣкоторое зерно. Все болѣзненное, хилое, слезливое и сантиментальное, а равно все страшное, ужасное и противное добрымъ нравамъ было исключено развѣ навсегда: я боялся испортить этимъ и актеровъ, и публику. Хорошими пьесами я поднималъ уровень актеровъ. Изученіе и постоянное исполненіе прекрасныхъ вещей должны были выработать кое-что изъ людей, которыхъ природа не вовсе обидѣла. Я поддерживалъ также постоянно личныя сношенія съ актерами. Я руководилъ считками и каждому объяснял его роль; я всегда бывалъ на генеральныхъ репетиціяхъ и толковалъ съ ними, что слѣдуетъ исправить; я никогда не пропускалъ представлений и на слѣдующій день всегда замѣчалъ, что мнѣ показалось неудачнымъ. Такимъ образомъ, я подвигалъ ихъ въ дѣлѣ искусства. Я старался также поднять актеровъ въ общественномъ мнѣніи, вводя лучшихъ и подававшихъ большія надежды въ кругъ своихъ знакомыхъ и тѣмъ показывая свѣту, что считаю ихъ достойными дружественнаго общенія съ собою. Послѣдствіемъ было то, что вслѣдъ за мною пошло и остальное высшее веймарское общество, и вскорѣ актеровъ и актрисъ стали принимать съ уваженіемъ въ лучшихъ кружкахъ. Все это должно было помочь ихъ внутреннему и внѣшнему образованію. Мой ученикъ, Вольфъ, въ Берлинѣ, такъ же какъ нашъ Дюранъ, люди съ весьма большимъ свѣтскимъ тактомъ. Гг. Эльсъ и Графъ люди весьма образованные и могутъ сдѣлать честь лучшему обществу. Шиллеръ дѣйствовалъ въ одинаковомъ со мною смыслѣ. Онъ постоянно былъ въ кругу актеровъ и актрисъ. Онъ вмѣстѣ со мною былъ на всѣхъ репетиціяхъ, и послѣ всякаго удач-

наго представленія своей пьесы онъ приглашалъ ихъ къ себѣ и проводилъ съ ними цѣлый день. Радовались вмѣстѣ достигнутой удачѣ и говорили о томъ—нельзя ли на слѣдующій разъ сыграть еще лучше. Но, когда Шиллеръ пришелъ къ намъ, то уже и актеры, и публика были на высокой степени пониманія, и нечего скрывать, что это способствовало быстрому успѣху его пьесъ.

— Сегодняшній пожаръ театра, гдѣ вы съ Шиллеромъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, совершили столько хорошаго, въ извѣстной мѣрѣ и внѣшнимъ образомъ заканчиваетъ великую эпоху, которая не скоро вновь настанетъ для Веймара. Сколько радостныхъ минутъ должны были вы испытать во время многолѣтняго управленія театромъ и сопровождавшаго его успѣха.

— Не мало также и труда, и доуки, со вздохомъ отвѣчалъ Гете.

— Да, сказалъ я,—держать въ должномъ порядкѣ такое многоголовое существо должно быть не легко.

— Многое достигается строгостью, сказалъ Гете,—еще больше любовью, но самое большое—внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу и безпристрастной справедливостью, не взирающею на лица. Мнѣ приходилось остерегаться двухъ враговъ, которые могли стать опасными. Первымъ была моя страстная любовь къ таланту, которая легко могла повести меня къ пристрастію. Другого я не назову, но вы догадаетесь и такъ. Въ нашемъ театрѣ было много и красивыхъ, и молодыхъ женщинъ, и вдовъ обладавшихъ душевной прелестью. Ко многимъ изъ нихъ я чувствовалъ страстное влеченіе; бывало и такъ, что и мнѣ шли навстрѣчу. Но я сдерживалъ себя, и говорилъ: «довольно!» Я созна-

валъ мое положеніе и сопряженный съ нимъ долгъ. Я былъ въ театрѣ не частнымъ человѣкомъ, но начальникомъ учрежденія, котораго преуспѣяніе было мнѣ дороже собственнаго мгновеннаго счастья. Позволь я себѣ увлечься любовной интрижкой, я сталъ бы компасомъ, который не можетъ указывать правильно, когда подлѣ него есть вліяющій на него магнитъ. Но потому что я всегда оставался чистъ и былъ себѣ господиномъ, я былъ и господиномъ театра, и никогда не лишался уваженія, безъ котораго невозможна никакая власть.

Это признаніе Гете показалось мнѣ замѣчательнымъ; я раньше слышалъ подобное о немъ отъ другихъ и былъ радъ, услышавъ отъ него то же. Я чувствовалъ, что еще больше полюбилъ его и, уходя, сердечно пожалъ ему руку.

Я прошелъ мимо еще дымящагося пожарища. Я поднималъ обгорѣвшій остатокъ роли,—то были отрывки изъ *Торквато Тассо* Гете¹⁾.

Четвергъ, 24-го марта 1825.

Обѣдалъ у Гете. Говорили почти исключительно о пожарѣ театра. Г-жа Гете и m-lle Ульрика вспоминали о счастливыхъ часахъ, проведенныхъ въ старомъ театрѣ. Онѣ достали изъ-подъ развалинъ нѣсколько останковъ, которые считали безцѣнными; но то были нѣсколько камней да обгорѣлые кусочки обивки. Но эти кусочки, по-ихнему, были именно съ балкона, гдѣ онѣ постоянно сидѣли.

— Главное дѣло, сказалъ Гете,—поскорѣе собраться съ духомъ и какъ можно скорѣе возобновить

¹⁾ Гете отослалъ ихъ къ Цельтеру. Любопытно, что въ нихъ говорилось о разрушеніи и несчастіи.

представленія. Слѣдовало бы играть съ будущей недѣли во дворцѣ, или въ большой думской залѣ, все равно гдѣ. Только не слѣдуетъ медлить; иначе публика найдетъ иное развлеченіе отъ вечерней скуки.

— Но не осталось и куска отъ декорацій!

— Много декорацій и не потребуется. Вовсе не надо давать большихъ пьесъ. Не требуется также давать цѣлую пьесу, по крайности большую. Суть въ томъ, чтобъ выбрать пьесы, гдѣ нѣтъ большихъ перемѣнъ. Какуюнибудь одноактную комедію, или фарсъ, или оперетку. Или же какуюнибудь арію, дуэтъ, или финалъ изъ любимой оперы,—и вы будете уже довольны. Надо только протянуть апрѣль, а въ маѣ есть ужъ лѣсные пѣвцы. А затѣмъ у васъ будетъ опять зрѣлище: слѣдить лѣтомъ за постройкой новаго театра. Для меня этотъ пожаръ удивительный фактъ. Я скажу вамъ только, что мы съ Кудрэ провели длинные зимніе вечера за составленіемъ плана новаго красиваго театра. Мы выписали планы и разрѣзы значительнѣйшихъ нѣмецкихъ театровъ; взявъ изъ нихъ лучшее и устранивъ то, что казалось намъ недостаткомъ, мы выработали настолько планъ, что его можно уже показать. Какъ только великій герцогъ его одобритъ, можно будетъ приступить къ постройкѣ. И не малое дѣло, что это несчастіе, по замѣчательной случайности, не застало насъ врасплохъ.

Мы порадовались сообщенной намъ новости.

— Въ старомъ театрѣ, продолжалъ Гете,—для дворянъ былъ балконъ, а для прислуги и молодыхъ ремесленниковъ—галерея. Но черезъ это часто приходилось плохо зажиточнымъ людямъ изъ средняго сословія, потому что въ извѣстные спектакли весь партеръ былъ наполненъ студентами

Небольшого числа маленьких ложъ за партеромъ и нѣсколькихъ заднихъ скамеекъ было недостаточно. Мы теперь устроили лучше. Мы окружили весь партеръ рядомъ ложъ, и между бель-этажемъ и галереей помѣстили еще цѣлый ярусъ ложъ. Такимъ образомъ, не увеличивая черзчуръ зданія, мы выиграли много мѣста ¹⁾).

Мы выразили Гете благодарность за его заботы о театрѣ и публикѣ.

Воскресенье, 27-го марта 1825.

Обѣдалъ у Гете въ большомъ обществѣ. Онъ показывалъ намъ планъ новаго театра. Было замѣчено, что для такого красиваго театра потребуются и хорошія декорации, и лучшіе костюмы. Говорилось также, что надо усилить и улучшить труппу, но противъ этого возражали, что все это потребуетъ большихъ издержекъ.

— Я знаю, сказалъ Гете,—что подъ предлогомъ лишнихъ расходовъ, пригласятъ актеровъ подешевле. Только напрасно надѣются такими средствами помочь сборамъ. Ничто такъ не вредитъ сборамъ, какъ подобная бережливость. Надо заботиться о томъ, чтобъ всякій вечеръ былъ полный сборъ. А этому очень способствуютъ молодой пѣвецъ, молодая пѣвица, способный *jeune-premier* и способная молодая *jeune-première*, выдающаяся по таланту, и нѣсколько красивыхъ актрисъ. Будь я еще во главѣ управленія, я бы сдѣлалъ еще кое-что для улучшенія кассы, и вы увидѣли бы, что я добылъ бы недостающую сумму.

Спросили Гете,—что-жъ бы онъ сдѣлалъ.

¹⁾ Особыя мѣста для лицъ разныхъ сословій существовали до 1848 года.

— Очень просто: я сталъ бы давать спектакли по воскресеньямъ. Такимъ образомъ, оказалось бы до сорока лишнихъ спектаклей, и дѣло пошло бы плохо, еслибъ сборъ не увеличился въ годъ на десять, пятнадцать тысячъ талеровъ.

Нашли, что планъ очень практиченъ. Вспомнили, что весьма многочисленный рабочій классъ по буднямъ занятъ до поздняго вечера, что въ воскресенье у него единственный свободный вечеръ, и что онъ, конечно, предпочтетъ благородное удовольствіе спектакля танцамъ и питью пива въ деревенскихъ кабакахъ. Фермеры и землевладѣльцы, а равно чиновники и зажиточные люди небольшихъ ближайшихъ городковъ будутъ ждать воскресенья, какъ желаннаго дня, чтобъ отправиться въ Веймарскій театръ. При томъ и въ самомъ Веймарѣ для всѣхъ, кто не принятъ ко двору, или у кого нѣтъ семьи и своего кружка, воскресные вечера очень тягостны и скучны; одинокіе не знаютъ куда дѣваться. Мысль играть по воскресеньямъ, какъ въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, всѣмъ понравилась; и было только легкое сомнѣніе: угодно ли это будетъ двору.

— Веймарскій дворъ, замѣтилъ Гете, — достаточно добръ и уменъ, чтобъ воспрепятствовать мѣрѣ, которая направлена къ благосостоянію города и значительнаго учрежденія. Дворъ, конечно, принесетъ небольшую жертву и перенесетъ воскресныя собранія на другой день. Но, еслибъ это было не угодно, то для воскресеній найдется достаточное количество пьесъ, которыя дворъ и безъ того смотритъ неохотно, но которыя нравятся простымъ смертнымъ и дѣлаютъ отличные сборы.

Затѣмъ стали говорить, не тяжело ли это будетъ для актеровъ.

— Въ теченіе моего долгаго директорства, ска-
залъ Гете, — я считалъ важнымъ дѣломъ не начи-
нать разучивать пьесы и особенно оперы, когда
нельзя съ нѣкоторой вѣроятностію предвидѣть для
нихъ многолѣтняго успѣха. Никто не думаетъ, какая
трата силъ требуется для изученія пятиактной пьесы,
и особенно оперы такой же длины. Да, друзья,
много надо потрудиться раньше, чѣмъ пѣвецъ усво-
итъ свою партію во всѣхъ актахъ и сценахъ, и
очень много, пока хоры пойдутъ какъ слѣдуетъ.
Меня всегда беретъ ужасъ, когда я слышу, какъ
часто отдается легкомысленно приказаніе разучить
оперу, объ успѣхѣ которой ничего положительнаго
неизвѣстно и о которой имѣются только невѣр-
ныя газетныя извѣстія. Теперь у насъ, въ Германіи,
уже порядочная почта, и начинаютъ ходить маль-
посты, и я бы, при вѣсти, что тамъ-то съ успѣхомъ
дана опера, послалъ туда режиссера или другого
вѣрнаго человѣка, чтобъ онъ, лично присутствуя
на представленіи, убѣдился, насколько новая хва-
леная опера хороша и подходитъ ли она къ на-
шимъ силамъ, или нѣтъ. Издержки на такую по-
ѣздку нельзя брать въ расчетъ по сравненію съ
пользою, какую она принесетъ, и съ убыткомъ, ко-
торый она можетъ предотвратить. Затѣмъ, когда
поставлена хорошая пьеса, или хорошая опера, то
ихъ надо давать черезъ короткіе промежутки до
тѣхъ поръ, пока онѣ привлекаютъ публику и дѣ-
лаютъ сборы. Точно такъ же слѣдуетъ поступать при
возобновленіи хорошей старой пьесы или оперы,
которую давно не давали и разучили за-ново съ
немалымъ трудомъ; иначе онѣ не будутъ идти съ
успѣхомъ. Но страсть къ новинкамъ, причѣмъ разу-
ченную съ большимъ трудомъ новую пьесу или

оперу даютъ всего разъ, или два, и повторяютъ ихъ черезъ промежутокъ въ шесть или восемь недѣль,— а при этомъ приходится ихъ разучивать снова,— вотъ гдѣ истинная пагуба театра и напрасная трата артистическихъ силъ.

Гете, повидимому, считалъ это обстоятельство весьма важнымъ и до того принималъ его къ сердцу, что даже разгорячился,—что, при его великомъ спокойствіи, случается рѣдко.

— Въ Италіи, продолжалъ онъ,—одну и ту же оперу даютъ каждый вечеръ отъ четырехъ до шести разъ, и публика не требуетъ перемѣны. Образованный парижанинъ смотритъ классическія пьесы своихъ великихъ поэтовъ такъ часто, что знаетъ ихъ наизусть и чувствителенъ къ ударенію каждаго слога. Здѣсь, въ Веймарѣ, мнѣ, конечно, оказали честь, давая мою *Ифигенію* и моего *Тассо*; но часто ли ихъ даютъ? Разъ въ три, четыре года. Публика находитъ ихъ скучными. Весьма понятно. Актеры не привыкли играть эти пьесы, а публика ихъ слушать. Еслибъ актеры чрезъ частое повтореніе такъ вошли въ свои роли, чтобъ представленіе казалось жизнью, чтобъ роли были не просто заучены, но какъ бы лились изъ ихъ сердца, то и публика обнаружила бы и интересъ, и чувство.

«Я когда-то безумствовалъ, думая, что можно создать нѣмецкій театръ. И я воображалъ, что могу самъ этому способствовать и заложить фундаментъ для такого зданія. Я написалъ *Ифигенію* и *Тассо* и съ ребяческой надеждой думалъ, что дѣло пойдетъ. Но оно не двинулось, не шевельнулось и все осталось попрежнему. Произведи я впечатлѣніе и имѣй я успѣхъ, я написалъ бы дюжину такихъ пьесъ, какъ *Ифигенія* и *Тассо*. Въ сюжетахъ недо-

статка не было. Но, какъ сказано, не было актеровъ, чтобъ сыграть ихъ умно и жизнено, и не было публики, чтобъ слушать и принимать ихъ съ чувствомъ».

Среда, 30-го марта 1825.

Сегодня большое собраніе у Гете за чаемъ; кромѣ живущихъ здѣсь молодыхъ англичанъ, было также нѣсколько молодыхъ американцевъ¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ этихъ молодыхъ англичанъ, жившихъ въ Веймарѣ, въ 1831 г. былъ Тэккерей; въ письмѣ его къ Льюису, отъ 1855 г., находятся, между прочимъ, слѣдующія воспоминанія:

«Гете уже не выѣзжалъ въ свѣтъ, но весьма любезно принималъ иностранцевъ. У его невѣстки всегда былъ готовъ для нихъ чай. Мы самымъ пріятнымъ образомъ проводили у нея долгіе вечера, то болтая, то слушаая музыку. Мы говорили о всѣхъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ романахъ. Я любилъ въ то время рисовать каррикатуры для дѣтей. Когда снова я посѣтилъ Веймаръ, то меня тронуло, что о нихъ еще помнили и что нѣкоторые изъ нихъ были даже сохранены; но двадцать два года передъ тѣмъ, молодымъ человѣкомъ, я гордился, когда мнѣ сказали, что нѣкоторые изъ моихъ рисунковъ разсматривалъ великій Гете.

«Онъ самъ не выходилъ изъ занимаемыхъ имъ комнатъ, куда допускалось только весьма небольшое число посвященныхъ; но онъ любилъ знать все, что дѣлается вокругъ, и интересовался иностранцами. Когда чье нибудь лицо поражало его своимъ выраженіемъ, онъ заказывалъ его портретъ. Впрочемъ, весь его домъ былъ собраніемъ картинъ, рисунковъ, слѣпковъ, статуй и медалей.

«Я живо помню, въ какомъ смущеніи былъ я, девятнадцатилѣтній юноша, когда меня увѣдомили, что въ такое-то утро я буду принять г. тайнымъ совѣтникомъ. Эта аудіенція, столь важная для меня, происходила въ небольшой обвѣшанной антиками и античными барельефами пріемной передъ его комнатою. Онъ былъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ, съ красной ленточкой въ петлицѣ. Онъ держалъ руки за спиной, совершенно какъ на статуэткѣ Рауха. Цвѣтъ лица его былъ блестящій, ясный и колоритный; глаза у него были

Воскресенье, 10-го апрѣля 1825.

Обѣдалъ у Гете. «Могу сообщить вамъ хорошую новость», сказалъ онъ, «великій герцогъ одобрилъ

необыкновенно черные, пронизательные, блестящіе. Я ощущалъ передъ ними страхъ, и они напомнили мнѣ глаза героя нѣкотораго романа подъ заглавіемъ *Мельмотъ, путешественникъ*, которымъ пугали дѣтей лѣтъ тридцать назадъ; этотъ герой заключилъ договоръ съ «нѣкоторымъ лицомъ» и въ самомъ глубокомъ возрастѣ его глаза сохранили властительный блескъ. Я думаю, Гете былъ старикомъ еще красивѣе, чѣмъ молодымъ челоукомъ. Голосъ его былъ нѣженъ и богатъ отгѣнками. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ насчетъ меня самого, и я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Помню, какъ я сперва удивился и потомъ немного успокоился, замѣтивъ, что онъ говоритъ по-французски не совсѣмъ чисто.

«*Vidi tantum*, три раза. Разъ, когда онъ гулялъ въ саду у своего дома; второй, въ прекрасный солнечный день, когда онъ ѣхалъ шагомъ въ каретѣ. На немъ была фуражка и плащъ съ краснымъ воротникомъ. Онъ ласкалъ свою внучку, хорошенькую дѣвочку съ золотыми волосами, которая уже давно покоится въ землѣ (Альма, сестра Вольфганга и Вальтера).

Тѣ изъ насъ, кто получалъ изъ Англіи книги или журналы, посылали ихъ къ нему, и онъ ихъ внимательно разсматривалъ. *Frazer's Magazine* было тогда новостью, и я вспоминаю, что онъ съ большимъ интересомъ разсматривалъ помѣщавшіеся тамъ превосходные портреты. Но одинъ изъ нихъ, какъ мнѣ рассказывала г-жа фонъ-Гете, онъ гнѣвно отбросилъ; то была ужасающая каррикатура г. Р. «они и мнѣ нарисуютъ такую гримасу!» сказалъ онъ. Я не могу себѣ представить ничего яснѣе, величественнѣе и здоровѣе, какъ тотъ знаменитый старецъ.

«Солнце садилось, но его покойный и живой блескъ еще освѣщалъ маленькій Веймаръ. Во всѣхъ гостининыхъ говорили о литературѣ и искусствѣ. Уваженіе, которое оказывалъ дворъ этому литературному патріарху, облагораживало какъ государя, такъ и подданнаго. Съ тѣхъ счастливыхъ временъ, я приобрѣлъ за двадцать пять лѣтъ опытность, я зналъ безчисленное множество различныхъ личностей, но нигдѣ я не встрѣчалъ общества проще, благосклоннѣе, вѣжливѣе и болѣе порядочнаго, какъ въ этомъ миломъ саксонскомъ городкѣ, гдѣ жили и погребены добрый Шиллеръ и великій Гете».

нашъ планъ театра; скоро будетъ закладка. Намъ пришлось, конечно, выдержать борьбу, но мы наконецъ, къ счастію, настояли на своемъ. Мы обязаны многимъ тайному совѣтнику Швейцеру, который, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ на нашу сторону. Планъ собственноручно подписанъ великимъ герцогомъ и не подвергнется больше никакимъ перемѣнамъ. И такъ, радуйтесь: у васъ будетъ очень хорошій театръ».

Совѣтъ Гете принять, и представленія уже даются въ думской залѣ.

Четвергъ, 14-го апрѣля 1825.

Вечеромъ у Гете. Мы все это время говорили о театрѣ и управленіи театромъ, и я спросилъ у Гете, какими правилами онъ руководствовался при приѣмѣ новыхъ артистовъ.

«Я не могу сказать въ точности», отвѣчалъ онъ. «Я поступалъ различно. Если новый актеръ заслужилъ уже извѣстность, то я давалъ ему дебютъ и смотрѣлъ, подходитъ ли онъ къ другимъ, не разрушить ли его манера игры нашего ансамбля и дѣйствительно ли онъ замѣститъ извѣстный пробѣлъ въ труппѣ. Когда являлся молодой человѣкъ, еще нигдѣ не игравшій, то я прежде всего обращалъ вниманіе на его личность, есть ли въ немъ что нибудь пріятное и привлекательное, и особенно на то, владѣтъ ли онъ собой. Вообще, актеръ, не умѣющій владѣтъ собой и показать себя незнакому человѣку съ самой выгодной стороны, не обладаетъ большимъ талантомъ. Въ самомъ дѣлѣ, все его искусство въ томъ и состоитъ, чтобъ постоянно казаться не самимъ собою, а дѣйствовать и жить подъ чужою маской.

«Если мнѣ нравились его внѣшность и обращеніе, то я давалъ ему прочесть что нибудь для испытанія, какъ силы и объема его голоса, такъ и его способностей. Я заставлялъ его прочесть что нибудь возвышенное изъ великаго поэта, дабы видѣть, способенъ ли онъ чувствовать и выражать дѣйствительное величіе; затѣмъ что нибудь страстное, бурное, чтобъ испытать его силу. Затѣмъ я переходилъ къ чему нибудь прямо разсудочному, остроумному, ироническому, чтобъ видѣть, какъ онъ справляется съ этимъ и обладаетъ ли онъ надлежащею подвижностью ума. Затѣмъ, я давалъ прочесть ему отрывокъ, гдѣ выражается боль уязвленнаго сердца, страданіе великой души, чтобъ узнать можетъ ли онъ выражать трогательное.

«Если онъ удовлетворялъ меня во всѣхъ этихъ разнообразныхъ отношеніяхъ, то у меня являлась основательная надежда, что изъ него выработается весьма замѣчательный актеръ. Если онъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ былъ рѣшительно лучше, чѣмъ въ другихъ, то я опредѣлялъ амплуа, на которое онъ годится преимущественно. Я зналъ такимъ образомъ и его слабыя стороны, и раньше всего старался, чтобъ онъ избавился отъ нихъ. Если я замѣчалъ недостатки въ выговорѣ и такъ называемые провинциализмы, то я налегалъ на то, чтобъ онъ отъ нихъ избавился, и совѣтовалъ ему сойтись и подружиться съ кѣмъ нибудь изъ актеровъ, вполне свободныхъ отъ такихъ недостатковъ. Затѣмъ я спрашивалъ его, умѣетъ ли онъ танцовать и фехтовать, и если онъ не умѣлъ, то поручалъ его на извѣстное время танцмейстеру и учителю фехтованія.

«Когда онъ подвигался настолько, что могъ уже выступить на сцену, то я давалъ ему роли, подхо-

дящія къ его личности, и въ началѣ ничего не требовалъ больше, какъ только чтобы онъ игралъ самого себя. Если мнѣ казалось, что у него черезчуръ горячая натура, то я давалъ ему флегматическія роли, если-жъ онъ казался мнѣ черезчуръ спокойнымъ и медлительнымъ, то я давалъ ему горячія, рѣзкія роли, дабы онъ научился не быть самимъ собою и входить въ чужую личность».

Разговоръ перешелъ къ распредѣленію ролей; Гете при этомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующія показавшіяся мнѣ замѣчательными мнѣнія:

«Большая ошибка полагать, что посредственныя пьесы должны исполняться посредственными артистами. Второстепенную и третъестепенную пьесу можно поднять и сдѣлать даже дѣйствительно чѣмъ-то хорошимъ, поручивъ ей исполненіе первостепеннымъ артистамъ. Если же второстепенную или третъестепенную пьесу поручить такимъ же артистамъ, то нечего удивляться, что она не произведетъ никакого впечатлѣнія. Второстепенные артисты весьма полезны въ большихъ пьесахъ. Они производятъ то же впечатлѣніе, что въ картинѣ фигуры, нарисованныя въ полутѣни; черезъ это нарисованныя въ полномъ свѣтѣ кажутся еще сильнѣе».

Суббота, 16-го апрѣля 1825.

Обѣдалъ у Гете съ д'Альтономъ¹⁾. Это человѣкъ во вкусѣ Гете, а потому они въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Въ своей наукѣ онъ имѣетъ большое значеніе, а потому Гете цѣнитъ его мнѣнія и прислушивается къ каждому его слову. Какъ человѣкъ,

¹⁾ Замѣчательный натуралистъ и антикварій, ум. 1840 г. Онъ долго жилъ въ Тифуртѣ, близъ Веймара, гдѣ занимался спеціально естественной исторіей лошади.

д'Альтонъ очень любезенъ, уменъ, одаренъ красно-рѣчіемъ и богатъ идеями, какъ немногіе; его не на-слушаешься.

Гете въ своихъ стремленіяхъ къ изученію природы желалъ объять цѣлое, а потому уступаетъ въ знаніяхъ всякому значительному натуралисту, который всю свою жизнь посвятилъ спеціальной отрасли. У такихъ ученыхъ преобладаетъ знаніе безчисленныхъ подробностей; Гете же жилъ болѣе въ созерцаніи великихъ общихъ законовъ. Оттого и происходитъ, что Гете, стоящій всегда на слѣду какого нибудь большого синтеза, но которому недостаетъ знанія отдѣльныхъ фактовъ для обоснованія своихъ предчувствій, хватается со страстью за всякую возможность сблизиться съ замѣчательными естествоиспытателями. У нихъ онъ находитъ то, чего ему недостаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней будетъ восемьдесятъ, но ему не наскучаютъ изслѣдованія и опыты. Ни въ чемъ онъ не чувствуетъ себя готовымъ и законченнымъ; онъ стремится все впередъ и впередъ; оттого онъ кажется человѣкомъ вѣчной, неразрушимой юности.

Мнѣ пришли въ голову эти мысли, когда я слушалъ его разговоръ съ д'Альтономъ. Д'Альтонъ говорилъ о грызунахъ и объ устройствѣ и видоизмѣненіяхъ ихъ скелета, и Гете желалъ узнать какъ можно больше фактовъ.

Среда, 27-го апрѣля 1825.

Сегодня вечеромъ я пошелъ къ Гете, который пригласилъ меня проѣхаться въ нижній садъ. «Прежде, чѣмъ отправиться», сказалъ онъ, «я покажу вамъ письмо Цельтера, которое получилъ вчера; онъ въ немъ толкуетъ о нашихъ театральныхъ обстоятельствахъ».

«Я давно догадывался, писалъ, между прочимъ, Цельтеръ,—что ты не станешь строить въ Веймарѣ театра для народа. Кто превращается въ листъ, того ѣдятъ козы. Объ этомъ должны бы подумать и инныя власти, желающія закупорить въ бочки невыбродившее вино. Мы пережили это, друзья; мы это переживаемъ¹⁾).

Гете взглянулъ на меня, и мы разсмѣялись. «Цельтеръ славный и дѣльный человѣкъ», сказалъ онъ,—но порою онъ вовсе меня не понимаетъ и вкривь толкуетъ мои слова. Я посвятилъ народу и его образованію всю свою жизнь: почему же мнѣ не построить бы для него театра? Но здѣсь, въ Веймарѣ, въ этой маленькой резиденціи, гдѣ, какъ говорятъ въ шутку, десять тысячъ поэтовъ и нѣсколько жителей,—развѣ можетъ быть рѣчь о народѣ, и особенно о театрѣ для народа! Веймаръ, безъ сомнѣнія, сдѣлается когда нибудь большимъ городомъ, но надо подождать еще нѣсколько столѣтій, пока народа въ Веймарѣ будетъ столько, что онъ будетъ въ состояніи поддерживать свой театръ».

Между тѣмъ заложили лошадей, и мы отправились. Вечеръ былъ тихій и мягкій, но нѣсколько душливый; по небу плыли большія облака и собирались въ грозовыя тучи. Мы ѣхали по песчаной дорогѣ; Гете сидѣлъ молча и былъ, казалось, погруженъ въ думы. Я слушалъ дроздовъ, которые пѣли навстрѣчу бури, сидя на вершинахъ еще не распустившихся дубовъ, по ту сторону Ильма. Гете осмотрѣлся, перевелъ глаза съ облаковъ на зелень, которая сильно проступала всюду по краямъ дороги, на лугахъ, кустахъ, изгородахъ. «Вечеромъ, кажется,

¹⁾ Последняя фраза взята изъ 33-й эпиграммы Гете.

надо ждать теплаго дождя съ грозой, сказалъ онъ, — и затѣмъ настанетъ полная весна во всемъ великолѣпіи».

Между тѣмъ тучи сгустились, послышался глухой громъ, упало нѣсколько капель, и Гете счелъ благоразумнѣе вернуться въ городъ. «Если вы не заняты», сказалъ онъ, когда мы остановились у его дома, «то зайдите и посидите еще часокъ со мною».

Я согласился съ радостью.

Письмо Целтера еще лежало на столѣ. «Удивительно, право удивительно, сказалъ онъ, — какъ легко заблуждается общественное мнѣніе! Я не знаю, чѣмъ я когда нибудь прегрѣшилъ противъ народа, а между тѣмъ признано разъ навсегда, что я не другъ народа. Конечно, я не другъ революціонной черни, которая выходитъ на разбой, убійства и поджоги, и подъ лживой вывѣской общественнаго благосостоянія имѣетъ въ виду только низкія эгоистическія цѣли. Я не другъ такихъ людей, точно также какъ я не другъ Людовика XV. Я ненавижу всякій насильственный переворотъ, потому что при немъ столько же губится хорошаго, сколько и пріобрѣтается. Я ненавижу и тѣхъ, кто ихъ производитъ, и тѣхъ, кто даетъ къ тому поводъ. Но развѣ поэтому я не другъ народа? Развѣ всякій благоразумный человѣкъ не тѣхъ же мыслей? Вы знаете, какъ я радуюсь всѣмъ улучшеніямъ, которыя можно предвидѣть въ будущемъ. Но, повторяю, все насильственное, всякія скачки, мнѣ противны, потому что они противны природѣ. Я люблю растенія, я люблю розу, какъ самый совершенный цвѣтокъ нѣмецкой флоры; однако я не настолько глупъ, чтобъ требовать, чтобъ она цвѣла у меня въ саду теперь, въ концѣ апрѣля. Я доволенъ, что вижу

теперь первые зеленые листья; я доволенъ, видя какъ съ каждой недѣлей удлинняется вѣтка и покрывается новыми листьями; я радуюсь, видя въ маѣ бутонъ, и счастливъ, когда роза распустится въ іюнѣ во всей красѣ и благовоніи. Кто же не умѣетъ дожидаться времени, пусть отправляется въ теплицу.

«И вотъ говорятъ, что я слуга государя, что я государевъ холопъ! Точно этимъ чтонибудь сказано! Или я служу тирану? деспоту? Или я служу такому, который живетъ только въ свое удовольствіе на счетъ народа? Такіе государи и такія времена, слава Богу, давно прошли. Я весьма близокъ къ великому герцогу въ теченіе полувѣка; полъ вѣка я съ нимъ стремился и работалъ; но я солгалъ бы, сказавъ, что знаю хотя одинъ день, въ который великій герцогъ не думалъ бы чтонибудь сдѣлать и предпринять во благо своей страны и на улучшеніе состоянія отдѣльныхъ лицъ. А лично ему что принесло его царственное положеніе, кромѣ бремени и труда? Развѣ его жилище, его одежда, его столъ лучше, чѣмъ зажиточныхъ частныхъ людей? Поѣзжайте въ наши приморскіе города, и вы увидите, что у богатыхъ купцовъ и кухня, и погребъ лучше, чѣмъ у него.

«Нынѣшнюю осенью мы будемъ праздновать пятидесятилѣтіе царствованія великаго герцога. Но, если хорошенько подумать, то чѣмъ было это его господствованіе, какъ не постоянной службой? Службой для достиженія великой цѣли, благосостоянія его народа! Итакъ, если ужъ такъ требуется, чтобъ я считался государевымъ холопомъ, то у меня по крайней мѣрѣ есть то утѣшеніе, что я рабъ такого государя, который самъ былъ рабомъ общественнаго блага».

Воскресенье, 1-го мая 1825.

Третьяго дни, проходя мимо театра, я увидѣлъ, что работы прерваны, и узналъ, что планъ, предложенный Гете и Кудрѣ, оставленъ. Сегодня я обѣдалъ у Гете; я боялся, что онъ будетъ сильно оскорбленъ такимъ обстоятельствомъ. Ничуть. Я засталъ его въ самомъ тихомъ и ясномъ расположеніи духа.

— Постарались, сказалъ онъ, — обратить вниманіе великаго герцога на большія сбереженія вслѣдствіе измѣненія плана, и это удалось. Мнѣ это все равно. Новый театръ въ концѣ концовъ только новый костеръ, который рано или поздно сгоритъ вслѣдствіе какойнибудь случайности. Это утѣшаетъ меня. Притомъ, не стоитъ говорить будетъ ли онъ немножко больше или меньше, выше или ниже. У васъ все-таки будетъ приличный театръ, хотя и не совсѣмъ такой, какого я желалъ и о какомъ мечталъ. Вы въ него пойдете, и я также пойду, и все окончится благополучно. Великій герцогъ возразилъ мнѣ, — продолжалъ Гете, — что нѣтъ надобности, чтобъ театръ былъ великолѣпнымъ архитектурнымъ зданіемъ; противъ этого, право, нельзя ничего сказать. Онъ сказалъ мнѣ еще, что у театра одна цѣль: зарабатывать деньги. Такой взглядъ сначала кажется нѣсколько матерьяльнымъ; но въ немъ, если подумать, есть своя хорошая сторона. Въ самомъ дѣлѣ, если театръ долженъ не только окупаться, но и давать выгоду, то все въ немъ должно быть превосходно. У него должно быть самое лучшее управленіе, актеры должны принадлежать къ наилучшимъ, и надо давать постоянно хорошія пьесы, которыя привлекали бы публику и давали полный

сборъ. Но тутъ въ немногихъ словахъ выражено слишкомъ многое, и почти невозможное.

— Взглядъ герцога, зарабатывать театромъ деньги, сказалъ я, — такимъ образомъ, является вполне практическимъ, потому что при немъ необходимо держаться постоянно на высокой степени совершенства.

— У Шекспира и Мольера былъ такой именно взглядъ. Оба они прежде всего желали при помощи театра зарабатывать деньги. Но, чтобъ достигнуть этой главной цѣли, они должны были заботиться, чтобъ все было постоянно въ наилучшемъ состояніи, и чтобы, кромѣ старыхъ хорошихъ пьесъ, отъ времени до времени давались такія же новыя и восхищали, и привлекали публику. Запрещеніе *Тартюфа* было громовымъ ударомъ для Мольера, — но не столько для поэта, какъ для *директора* Мольера, которому приходилось заботиться о благосостояніи значительной труппы и о томъ, какъ бы заработать на хлѣбъ для себя и для своихъ. — Нѣтъ ничего опаснѣе для благосостоянія театра, какъ такое положеніе дирекціи, когда большій или меньшій сборъ кассы лично ея не касается и она живетъ въ беззаботномъ сознаніи, что недоборъ въ кассѣ будетъ пополненъ въ концѣ года изъ какого нибудь другого источника. Ужъ таково свойство человѣческой природы, что она легко засыпаетъ, какъ скоро выгода дѣла ея не заботитъ. Нельзя однако требовать, чтобъ въ такомъ городѣ, какъ Веймаръ, театръ могъ содержать самъ себя, не требуя приплаты изъ великогерцогской казны. Но у всего есть своя цѣль и предѣлы, и нѣсколько тысячъ таллеровъ въ годъ больше или меньше вовсе не все равно, особенно въ томъ случаѣ, когда ухудшеніе сборовъ и паденіе театра идутъ объ руку:

тутъ пропадаютъ не только деньги, но и честь. Будь я великимъ герцогомъ, то я, при перемѣнѣ дирекціи, назначилъ бы разъ на всегда опредѣленную субсидію; для этого я взялъ бы среднюю цифру приплаты за послѣдніе десять лѣтъ и опредѣлилъ бы на этомъ основаніи сумму, которая была бы достаточна для приличнаго веденія дѣла. И этой суммой слѣдуетъ ограничиться. Затѣмъ, я пошелъ бы дальше и сказалъ: если директоръ со своими режиссерами поведетъ дѣло такъ энергически, что въ кассѣ къ концу года обнаружится излишекъ, то онъ будетъ распределенъ въ видѣ награды между директоромъ, режиссерами и главными членами труппы. И вы увидите, какъ все тогда зашевелится, и какъ самое учрежденіе пробудится отъ полусна, въ которой оно постепенно погружается. Въ нашихъ театральныхъ правилахъ много всяческихъ взысканій, и нѣтъ ни одного, ради поощренія и вознагражденія выдающихся заслугъ. Это большой недостатокъ. Если за всякую мою неисправность у меня вычитаютъ изъ жалованья, то должно мнѣ положить вознагражденіе за все, что я дѣлаю свыше положеннаго. Театръ достигаетъ совершенства именно тогда, когда всѣ дѣлаютъ свыше ожидаемаго и требуемаго.

Вошли г-жа фонъ-Гете и m-lle Ульрика; обѣ, по случаю хорошей погоды, были въ лѣтнемъ туалетѣ. За столомъ шелъ легкій и веселый разговоръ. Говорили обѣ удовольствіяхъ прошлой недѣли и о будущихъ parties de plaisir.

— Если хорошая погода продержится, сказала г-жа фонъ-Гете, — то мнѣ очень хочется на дняхъ устроить чай въ паркѣ, съ соловьями. Что вы скажете, батюшка?

— Будетъ чудесно! отвѣчалъ Гете.

— А вы, Эккерманнъ? спросила г-жа фонъ-Гете, — что вы скажете? Можно васъ пригласить?

— Ахъ, Оттилія! замѣтила m-lle Ульрика, — какъ ты можешь приглашать доктора? Онъ навѣрно не придетъ, а если и придетъ, то все время будетъ какъ на уголькахъ; всѣ замѣтятъ, что его душа блуждаетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и что ему хочется убѣжать какъ можно скорѣе.

— Говоря откровенно, отвѣчалъ я, — мнѣ больше нравится бродить съ Дуланомъ по окрестнымъ полямъ. Эти «чаи», вечера съ чаемъ и разговоры за чаемъ до того не по мнѣ, что даже при мысли о нихъ мнѣ становится не по себѣ.

— Но, Эккерманнъ, сказала г-жа фонъ-Гете, — на вечерѣ въ паркѣ вы будете на свѣжемъ воздухѣ, и, стало быть, въ своей стихіи.

— Напротивъ, сказалъ я. — Я буду близокъ къ природѣ настолько, что буду слышать всѣ ея благоуханія, а между тѣмъ самой-то природы не будетъ, и мнѣ станетъ не ловко, какъ уткѣ, которую поднесутъ къ водѣ, а плавать не дадутъ.

— Вы могли бы также сказать, вставилъ Гете, — что очутитесь въ положеніи лошади, которая выставила голову изъ конюшни и видитъ, какъ другія на свободѣ бѣгаютъ по просторному лугу. Она чувствуетъ всю прелесть и свѣжесть свободы, а наслаждаться ими не можетъ. Но оставьте Эккерманна въ покоѣ; онъ таковъ, какъ есть, и вамъ его не передѣлать. Но, скажите мнѣ, мой любезнѣйшій, что вы подѣлываете съ вашимъ Дуланомъ въ чистомъ полѣ каждое послѣ-обѣда?

— Мы отыскиваемъ какую нибудь уединенную полянку, и стрѣляемъ изъ лука.

— Гм., сказалъ Гете,—не дурное развлеченіе!

— Великолѣпное, сказалъ я,—особенно отъ зимней скуки.

— Но скажите, ради всего на свѣтѣ, гдѣ вы достали въ Веймарѣ лукъ и стрѣлы?

— Я привезъ модель для стрѣлъ въ 1814 году изъ Брабанта. Тамъ всѣ стрѣляютъ изъ лука; нѣтъ маленькаго городка, гдѣ бы не было стрѣлковаго общества. У нихъ при кабачкахъ есть стрѣльбища, какъ у насъ кегли; собираются они подъ вечеръ, и я съ великимъ удовольствіемъ присутствовалъ на состязаніяхъ. Чтò за здоровый народъ! и что за живописныя позы, когда они натягиваютъ тетиву! Какъ развивается чрезъ это сила, и что за мѣткіе стрѣлки! Они стрѣляютъ обыкновенно на шестьдесятъ, восемьдесятъ шаговъ, въ бумажный щитъ, который прикрѣпляютъ къ сырой глиняной стѣнѣ; они стрѣляютъ быстро одинъ за другимъ, и стрѣлъ не вынимаютъ; нерѣдко изъ пятидесяти стрѣлъ пять попадаютъ въ середину, величиною съ таллеръ, а прочія втыкаются не подалеку. Когда всѣ выстрѣлятъ, то выдергиваютъ стрѣлы изъ стѣны, и снова начинаютъ состязаніе. Я до того увлекался стрѣльбой, что считалъ весьма важнымъ ввести ее въ Германіи, и былъ настолько глупъ, что думалъ будто это возможно. Я не разъ приторговывался къ лукамъ, но меньше, какъ за двадцать франковъ не отдавали, а гдѣ бѣдному стрѣлку было достать такую кучу денегъ! Поэтому я удовольствовался стрѣлой, какъ вещью самой важной и требующей для выдѣлки большого искусства; я купилъ ее вмѣстѣ съ рисункомъ на фабрикѣ въ Брюсселѣ за франкъ; вотъ и вся моя военная добыча.

— Это на васъ похоже, сказалъ Гете.—Но только

не думайте, что прекрасное и естественное можно сдѣлать популярнымъ. По крайней мѣрѣ, на это потребуется много времени и чрезвычайныя средства. Но я легко могу себѣ представить, какъ хороша эта брабантская стрѣльба. Наша нѣмецкая забава въ кегли, по сравненію съ нею, груба и пошла; въ ней много филистерскаго.

— Самое лучшее въ стрѣльбѣ изъ лука то, что при ней тѣло развивается равномерно и она требуетъ равномернаго напряженія силъ, сказалъ я.— Лѣвая рука поддерживаетъ лукъ, и должна быть крѣпка, сильна и не дрожать; правой натягивается тетива, и она также должна быть сильна. Затѣмъ обѣ ноги должны твердо стоять на землѣ, и представлять опору для туловища. Глазъ цѣлитъ, мускулы шеи и затылка натянуты. А затѣмъ чувство радости, когда стрѣла засвиститъ и попадетъ въ цѣль! Я не знаю другого тѣлеснаго упражненія, которое могло бы сравниться съ этимъ.

— Оно годилось бы для нашихъ гимнастическихъ школъ, сказалъ Гете.—И я не удивился бы въ такомъ случаѣ, еслибъ черезъ двадцать лѣтъ хорошіе стрѣлки считались въ Германіи тысячами. Конечно, съ взрослымъ поколѣніемъ многого не сдѣлаешь, какъ относительно тѣла, такъ и ума, какъ относительно вкуса, такъ и характера; но будьте умны, начните со школъ, и дѣло пойдетъ.

— Но, замѣтилъ я,—наши нѣмецкіе учителя гимнастики не умѣютъ обращаться ни со стрѣлами, ни съ лукомъ.

— Ну, нѣсколько гимнастическихъ учреждений могутъ сложиться и выписать хорошаго стрѣлка изъ Фландріи или Брабанта. Или пусть они пошлютъ нѣсколькихъ молодыхъ и ловкихъ гимнастовъ въ

Брабантъ для обученія стрѣльбѣ, а также и тому какъ дѣлать луки и стрѣлы. Затѣмъ они могутъ поступить въ наши школы въ качествѣ учителей или стать странствующими учителями, и переходить изъ одной школы въ другую. Я вовсе не противникъ нѣмецкихъ гимнастическихъ обществъ; и мнѣ было очень досадно, что въ нихъ скоро втерлась политика, и власти принуждены были или ограничивать ихъ, или запрещать и закрывать. Но я надѣюсь, что гимнастическія общества снова будутъ разрѣшены, потому что въ нихъ нуждается наша молодежь, особенно учащаяся, которой не достаетъ тѣлесныхъ упражненій, какъ противовѣса большимъ умственнымъ усиліямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ у нея пропадаетъ и энергія. Но расскажите мнѣ о вашихъ стрѣлѣ и лукѣ. Итакъ, стрѣлу вы привезли изъ Брабанта? Мнѣ хотѣлось бы ее видѣть.

— Я ее давно потерялъ, отвѣчалъ я.—Но я такъ хорошо ее помнилъ, что мнѣ удалось сдѣлать такую же новую, и не одну, а цѣлую дюжину. Это, впрочемъ, оказалось не такъ легко, какъ я думалъ, и мнѣ пришлось порядочно потрудиться. Надо, во первыхъ, выбрать такую вѣтку, чтобъ она была пряма и черезъ нѣкоторое время не согнулась; затѣмъ, чтобъ она была легка и притомъ на столько тверда, чтобъ не расщеплялась при ударѣ о твердые предметы. Я пробовалъ сдѣлать сперва изъ тополя, потомъ изъ сосны, потомъ изъ березы; но оказывались то тѣ, то другіе недостатки. Наконецъ, липа оказалась подходящимъ деревомъ. Затѣмъ, на нижнемъ концѣ надо было сдѣлать роговую обложку, и тутъ не всякій рогъ годенъ; нужно брать самую середину рога; иначе онъ расщеплется при ударѣ о твердое. Но самое трудное оперить стрѣлу.

— Не правда ли, спросилъ Гете, — перо не слѣдуетъ вщеплять въ дерево, а только приклеить?

— Надо приклеить, но только такъ крѣпко, ловко и хорошо, чтобъ казалось будто оно выросло изъ стрѣлы. И не все равно какой брать клей, и какія перья. Вообще, хороши всѣ маховыя перья большихъ птицъ; но я нашель, что лучше употреблять красныя перья изъ крыльевъ павлина, большія перья индѣйскаго пѣтуха, особенно же — крѣпкія и красивые перья орла.

— Я слушаю васъ съ большимъ интересомъ. Кто васъ не знаетъ, тотъ и не повѣритъ, что у васъ есть такая практическая жилка. Но, скажите пожалуйста, какъ вы сдѣлали лукъ?

— Я сдѣлалъ ихъ нѣсколько, и въ началѣ потерпѣлъ полное крушеніе. Тогда я обратился за совѣтомъ къ столярамъ и каретникамъ, испробовалъ всѣ деревья здѣшной мѣстности, и наконецъ пришелъ къ прекраснымъ результатамъ. Мнѣ посовѣтовали взять довольно толстый дубовый пень, такой, чтобъ его можно было расколоть клиномъ ¹⁾ на четыре части. Если стволъ выросъ прямо, то есть, если фибры идутъ въ прямомъ направленіи вверхъ, то дерево колетъ клиномъ прямо, и куски годны для лука; если же фибры идутъ криво, то нѣтъ.

— Но отчего же не распилить пня пилою? спросилъ Гете. — Въ такомъ случаѣ, куски вышли бы прямые.

— Но въ пнѣ съ извилистымъ направленіемъ фибръ, при этомъ перепилятся волокна и кусокъ станетъ не годенъ для лука.

¹⁾ Эккерманнъ употребилъ слово «Schlachten», терминъ каретниковъ; Гете не зналъ этого слова, и спросилъ, что оно значитъ.

— Понимаю: лукъ съ перепиленными волокнами сломится. Но продолжайте: мнѣ очень интересно.

— У перваго моего лука былъ тотъ недостатокъ, что онъ туго натягивался. «Вы, вѣрно, взяли подростъ, сказалъ мнѣ каретникъ;—у него дерево всегда твердое. А вы возьмите дубъ, какой растетъ около Гопфгартена: у него дерево тягучее, и все пойдетъ на ладъ». Тутъ я узналъ, что между дубами есть великая разниа, и что вообще въ древесныхъ породахъ многое зависитъ отъ мѣста и почвы, гдѣ онѣ растутъ. Дальше я узналъ, что у деревьевъ, которыя растутъ на сѣверныхъ склонахъ, древесина тверда и съ болѣе прямыми волокнами, чѣмъ у тѣхъ, что растутъ на южныхъ. Это зависитъ отъ того, что молодое деревцо, выросшее на сѣверномъ склонѣ, можетъ получать свѣтъ и тепло только сверху, а потому, стремясь къ солнцу, оно растетъ прямо вверхъ и волокна его идутъ въ прямомъ направленіи. Ростъ въ тѣни также способствуетъ образованію болѣе тонкихъ волоконъ, что особенно замѣтно на такихъ деревьяхъ, которыя растутъ такъ, что одной стороною имъ приходится быть всю жизнь на солнцѣ, а другой постоянно въ тѣни. Если распилить такой стволъ, то видно, что центръ сердцевины приходится не въ серединѣ, а значительно ближе къ одному боку. Это уклоненіе центра зависитъ отъ того, что годовые круги съ южной стороны, вслѣдствіе непрерывнаго вліянія солнца, развиваются гораздо сильнѣе. Столяры и каретники, когда имъ требуется твердое и тонкое дерево, поэтому выбираютъ всегда сѣверную сторону ствола, съ тонкими фибрами. Они зовутъ ее зимней стороною.

— Подумайте, сказалъ Гете,—какъ интересны для

меня ваши наблюденія: вѣдь я полъ жизни занимался возростаніемъ деревьевъ и растеній. Но разсказывайте дальше. Вы сдѣлали лукъ изъ «тягучаго» дуба?

— Да, отвѣчалъ я.—Лукъ было легко натягивать и онъ придавалъ стрѣлѣ хорошую скорость. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ замѣтно погнулся. Мнѣ пришлось опять искать другого дерева; сперва я взялъ грецкую орѣшину, и наконецъ кленъ, который оказался лучше всѣхъ.

— Я знаю это дерево; оно часто попадаетъ въ изгородяхъ; по моему, оно должно годиться, но мнѣ рѣдко попадался молодой стволъ безъ вѣтвей, а вѣдь такой именно вамъ и нуженъ для лука?

— Молодые, правда, рѣдко бываютъ безъ вѣтвей, отвѣчалъ я,—но, когда кленъ взращиваютъ въ дерево, то у него спиливаютъ вѣтви; когда же онъ растетъ въ гущѣ, то вѣтви опадаютъ отъ времени сами собой. Въ возрастѣ отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, при сказанныхъ обстоятельствахъ, онъ обростаетъ слоемъ до полуфута толщины, въ которомъ вовсе нѣтъ сучковъ. Снаружи такой стволъ совершенно гладокъ, но конечно нельзя знать, нѣтъ ли внутри изъяна. Поэтому лучше всего выпилить дерево для лука поближе къ наружной части.

— Но вы сказали, что дерево для лука не слѣдуетъ пилить, а надо его расщепить клиномъ.

— Да, если у него грубыя волокна, какъ у дуба или орѣшины; у клена же волокна тонкія и крѣпко врастаютъ другъ въ друга. Поэтому его можно пилить безо всякаго опасенія за крѣпость лука.

— Гм, гм! сказалъ Гете.—Благодаря вашему пристрастію къ стрѣльбѣ изъ лука, вы пріобрѣли прекрасныя свѣдѣнія и притомъ жизненные, которыя

добываются только практическимъ путемъ. Выгода всякой страсти состоитъ именно въ томъ, что она заставляетъ насъ проникнуть въ суть вещей. Хороши и поиски, и ошибки, потому что и онѣ поучительны. И притомъ изучаешь не только самый предметъ, но и все съ нимъ соприкасающееся. Чтò зналъ бы я о растеніяхъ и цвѣтахъ, если бъ я получилъ готовыя теоріи и затвердилъ ихъ наизусть? Но потому именно, что я самъ принужденъ былъ изслѣдовать и отыскивать, а при случаѣ и ошибаться, я и знаю кое-что объ этихъ двухъ вещахъ, и притомъ больше, чѣмъ напечатано. Но продолжайте о вашемъ лукѣ. Я видѣлъ шотландскіе; они прямы до самаго конца, у другихъ же концы загнуты. Какіе, по вашему, лучше?

— Я думаю, что сила полета у луковъ съ загнутыми назадъ концами больше. Научившись загибать концы, я всегда ихъ загибаю въ своихъ лукахъ; такіе луки не только красивѣе, но и метательная ихъ сила больше.

— Не правда ли, спросилъ Гете, — эти загибы дѣлаются при помощи нагрѣванія?

— При помощи тепла и влаги. Я опускаю одинъ конецъ лука на часъ въ кипящую воду глубиной въ шесть или восемь дюймовъ. Размягченный конецъ, еще вполнѣ горячій, я сдавливаю между двумя колодками; ихъ внутренняя линія имѣетъ ту форму, которую я желаю придать луку. Въ такихъ тискахъ я оставляю лукъ на сутки, пока онъ совсѣмъ не высохнетъ. Затѣмъ поступаю точно такимъ образомъ съ другимъ концомъ.

— А знаете чтò? спросилъ Гете съ таинственной улыбкой. — Кажется, у меня есть вещица, которая вамъ будетъ по-сердцу. Чтò вы скажете, если мы

сойдемъ внизъ и я дамъ вамъ настоящій башкирскій лукъ?

— Башкирскій лукъ? съ одушевленіемъ вскричалъ я, — и настоящій?

— Да, настоящій, безумный вы человѣкъ! Пойдемте-же.

Мы сошли въ садъ. Гете отворилъ дверь внизу небольшой пристройки; въ комнатѣ были навалены на столахъ и висѣли на стѣнахъ всякаго рода рѣдкія и замѣчательныя вещи. Я бѣгло осмотрѣлъ эти сокровища, отыскивая глазами лукъ.

— Вотъ онъ, сказалъ Гете, вынимая лукъ изъ подъ кучи разныхъ вещей. — Я вижу, что онъ въ такомъ же видѣ, какимъ я получилъ его въ 1814 году изъ рукъ башкирскаго сотника. Ну, что вы скажете?

Я съ радостью взялъ въ руки драгоценное оружіе. Тетива мнѣ показалась исправной. Я испробовалъ ее, и нашелъ, что она достаточно упруга.

— Лукъ превосходный, сказалъ я. — Особенно мнѣ нравится его форма; на будущее время я приму ее за образецъ.

— Изъ какого онъ дерева, по вашему?

— Онъ обтянутъ, какъ видите, тоненькой берестой, а потому дерево видно только на концахъ; но они слишкомъ почернѣли отъ времени. По моему, это орѣхъ; дерево съ грубыми волокнами и оно было расщеплено клиномъ.

— Что-жъ, попробуйте, сказалъ Гете. — Вотъ и стрѣла. Только берегитесь, желѣзный конецъ быть можетъ покрытъ ядомъ.

Мы вышли въ садъ и я натянулъ лукъ.

— Куда станете стрѣлять? спросилъ Гете.

— Сперва въ воздухъ, отвѣчалъ я.

— Что жъ, пускайте.

Я пустилъ стрѣлу вверхъ; стрѣла летѣла хорошо, и при паденіи воткнулась въ землю.

— Теперь позвольте мнѣ, сказалъ Гете.

Я порадовался, что и онъ хочетъ стрѣлять. Я подальшему лукъ и поднялъ стрѣлу. Гете приладилъ стрѣлу къ тетивѣ и взялъ лукъ правильно, хотя и не сразу. Затѣмъ онъ прицѣлился вверхъ и спустилъ тетиву. Онъ былъ точно Аполлонъ, состарившійся тѣломъ, но одушевленный несокрушимой юностью. Стрѣла взлетѣла не высоко. Я побѣждалъ и поднялъ ее.

— Еще разъ, сказалъ Гете.

Онъ прицѣлился въ горизонтальномъ направленіи вдоль дорожки. Стрѣла пролетѣла шаговъ тридцать. Не умѣю сказать, до чего мнѣ было весело, глядя на Гете; мнѣ вспомнились стихи:

Иль старость меня покидаетъ?

Иль вновь я дитей становлюсь?

Я принесъ ему стрѣлу. Онъ попросилъ меня пустить стрѣлу въ горизонтальномъ направленіи, и указалъ цѣль, пятно на ставнѣ своего кабинета. Стрѣла попала неподалеку отъ цѣли, но такъ сильно впиалась въ дерево, что я не смогъ ее вытащить.

— Пусть она тамъ и остается, на память о нашей забавѣ, сказалъ Гете.

Погода была прекрасная, мы погуляли по саду, и затѣмъ сѣли на скамью, облокотясь спиной на распутившуюся густую изгородь. Мы говорили о лукѣ Одиссея, о герояхъ Гомера, затѣмъ о греческихъ трагикахъ, и наконецъ о распространенномъ мнѣніи, будто греческій театръ палъ, благодаря Эврипиду. Гете никоимъ образомъ не раздѣлялъ такого взгляда.

«Вообще, я не того мнѣнія, чтобъ искусство могло придти къ паденію по винѣ одного человѣка. Этому должно способствовать соединеніе многихъ причинъ,

но какихъ именно,—сказать нелегко. Трагическое искусство не могло придти къ паденію по винѣ Эврипида, какъ и скульптура—пасть по винѣ какогонибудь великаго ваятеля, жившаго послѣ Фидія, но обладавшаго меньшимъ, чѣмъ онъ, талантомъ. Въ великомъ вѣкѣ все идетъ къ совершенству, и посредственное не оказываетъ вліянія. А какимъ великимъ вѣкомъ былъ вѣкъ Эврипида! Онъ не былъ вѣкомъ испорченнаго вкуса; вкусъ, напротивъ, развивался. Ваяніе еще не достигло своей вершины, а живопись еще вся была въ будущемъ. Если піесы Эврипида, по сравненію съ Софокловыми, и обладали большими недостатками, то это не можетъ быть еще причиною того, чтобъ послѣдующіе поэты подражали именно этимъ недостаткамъ и тѣмъ губили себя. Если же онѣ обладали большими достоинствами,—такъ что нѣкоторые могли ихъ даже предпочитать піесамъ Софокла,—то почему-же послѣдующіе поэты не развивали этихъ достоинствъ, или почему они не стали, по меньшей мѣрѣ, также велики, какъ самъ Эврипидъ? Если же послѣ трехъ извѣстныхъ великихъ трагиковъ не явился такой же четвертый, пятый и шестой, то это вопросъ, на который не легко отвѣтить, но о которомъ всякій можетъ дѣлать свои предположенія, и къ которому до извѣстной степени можно приблизиться.

«Человѣкъ простое существо. И какъ бы онъ ни былъ богатъ, разнообразенъ и неистощимъ,—кругъ его душевныхъ состояній скоро исчерпывается. Еслибъ въ Греціи существовали тѣ же обстоятельства, какъ у насъ, бѣдныхъ нѣмцевъ, гдѣ Лессингъ написалъ двѣ, три, я самъ три, четыре, да Шиллеръ пять, шесть сносныхъ пьесъ,—то, конечно, нашлось бы мѣсто для четвертаго,ятаго и шестого трагиче-

скаго поэта. Но богатство производительности у грековъ, гдѣ каждый изъ трехъ великихъ поэтовъ написалъ за сотню или около сотни пьесъ, гдѣ трагическіе сюжеты, взятые изъ Гомера и героическихъ сказаній, были обработаны по три, по четыре раза, — при такомъ богатствѣ производительности, повторяю, легко представить, что и матеріаль, и содержаніе мало-по-малу исчерпались, и что поэтъ, слѣдующій за тремя великими, не зналъ хорошенько за что приняться. Да, въ сущности, къ чему? Развѣ того, что было, не было достаточно на долгое время? Развѣ творенія Эсхила, Софокла и Эврипида не были такъ прекрасны и глубоки, что ихъ можно было слушать постоянно, безъ опасности, что они ополшѣютъ и устарѣютъ? Дошедшіе до насъ грандіозные обломки такъ велики и такъ значительны, что мы, бѣдные европейцы, занимаемся ими уже нѣсколько вѣковъ, да еще столѣтія будемъ ими питаться, и работать надъ ними.

Четвергъ, 12-го мая 1825.

Гете съ большимъ одушевленіемъ говорилъ о Меландрѣ.

— Я люблю его больше всѣхъ послѣ Софокла. Онъ вполне чистъ, благороденъ, великъ и ясенъ; его прелесть недостижима. Конечно, очень жаль, что отъ него до насъ дошло такъ мало, но и это малое неоцѣненно, и даровитый человѣкъ можетъ многому изъ него научиться. Требуется однако, чтобъ тѣ, отъ кого мы хотимъ научиться, соотвѣтствовали намъ по природѣ. Напримѣръ, Кальдеронъ, какъ онъ ни великъ и какъ я ему ни удивляюсь, не имѣлъ на меня никакого вліянія, ни хорошаго, ни дурного. Для Шиллера его вліяніе могло

быть опасно и повести къ заблужденіямъ, а потому счастье, что Кальдеронъ получилъ извѣстность въ Германіи послѣ его смерти. Кальдеронъ безконечно великъ, какъ технику и знатокъ сцены; Шиллеръ, напротивъ, гораздо значительнѣе, сильнѣе и выше по цѣлямъ, а потому было бы опасно, когда бы онъ, пожалуй, потерялъ кое-что изъ своихъ достоинствъ, не достигнувъ высоты Кальдерона въ другихъ отношеніяхъ.

Мы перешли къ Мольеру. «Мольеръ», сказалъ Гете, «такъ великъ, что перечитывая его, всегда снова удивляешься. Это единственный человѣкъ; его пьесы граничатъ съ трагическимъ, онѣ васъ охватываютъ, и ни у кого нѣтъ смѣлости подражать ему въ этомъ. Его *Скупой*, гдѣ порокъ разрушаетъ всякое чувство любви между отцомъ и сыномъ, особенно великъ и въ высшей степени трагиченъ. Въ нѣмецкой передѣлкѣ сына превращаютъ въ родственника, отчего пьеса ослабляется и становится неузнаваемой. Боятся показать порокъ въ его настоящемъ видѣ; но что же въ такомъ случаѣ показываютъ, и развѣ трагическое дѣйствіе не всегда основывается на непереносномъ? Я каждый годъ перечитываю тѣ или другія пьесы Мольера, также какъ я отъ времени до времени пересматриваю гравюры съ италіянскихъ мастеровъ. Мы, маленькіе люди, не можемъ хранить въ себѣ постоянно величіе такихъ произведеній, и отъ времени до времени должны возвращаться къ нимъ, дабы освѣжать впечатлѣніе.

«Постоянно толкуютъ объ оригинальности, но что она значитъ? Только мы родимся, какъ на насъ начинаетъ дѣйствовать міръ, и это продолжается до самаго конца. И вообще, что мы можемъ назвать своимъ собственнымъ, кромѣ энергіи, силы,

желанія? Если бъ я могъ опредѣлить, чѣмъ я обязанъ всѣмъ великимъ предшественникамъ и современникамъ, то немного у меня останется. При этомъ, отнюдь не все равно, въ какую пору нашей жизни на насъ оказываетъ вліяніе другая значительная личность. Для меня имѣло великое значеніе то обстоятельство, что Лессингъ, Винкельманнъ и Кантъ были старше меня, и два первые имѣли на меня вліяніе, когда я былъ молодъ, а послѣдній, когда я сталъ старикомъ. Далѣе, весьма важно и то, что Шиллеръ былъ моложе меня и въ полной свѣжести своихъ стремленій, когда я уже начиналъ уставать отъ жизни, а равно и то, что на моихъ глазахъ началась дѣятельность братьевъ Гумбольдтовъ и Шлегелей. Для меня изъ этого проистекли великія выгоды».

Отъ признаній насчетъ вліянія, которое имѣли на него значительныя личности, разговоръ перешелъ на лицъ, на которыхъ онъ имѣлъ вліяніе. Я упомянулъ о Бюргерѣ, замѣтивъ, что на его чисто рожденный талантъ Гете вовсе не имѣлъ вліянія.

«У Бюргера», сказалъ Гете «талантъ былъ родственный моему, но его нравственное образованіе коренилось совсѣмъ въ иной почвѣ и имѣло совершенно другое направленіе. Всякій же развивается по восходящей линіи въ томъ направленіи, въ какомъ началъ. Человѣкъ, написавшій въ тридцать лѣтъ поэму въ родѣ *Frau Ships*, конечно, долженъ былъ идти по пути, который уклоняется отъ моего. У него былъ талантъ, настолько значительный, что онъ составилъ себѣ особую публику, которая вполне имъ довольствовалась; ему поэтому не было причины обращать вниманія на свойства со-

перника, съ которымъ у него уже не было ничего общаго.

«Вообще, можно научиться только у того, кого любишь. Такое расположеніе относительно меня встрѣчается только у теперь развивающихся талантовъ; у моихъ же современниковъ оно встрѣчалось лишь изрѣдка. Я не могу назвать ни одного человека созначеніемъ, кому бы я вполне нравился. Прямо за *Вертера* меня столько бранили, что, вздумаю я вычеркивать заслужившія хулу мѣста, то отъ всей книжки не осталось бы ни строчки. Но всѣ эти хулы мнѣ не вредили, потому что всѣ эти субъективныя сужденія одинокихъ, хотя и замѣчательныхъ, людей уравнивали другъ друга. Впрочемъ, кто не ждетъ, что у него будетъ миллионъ читателей, не долженъ браться за перо. Публика уже двадцать лѣтъ какъ спорить, кто выше: я или Шиллеръ. А ей слѣдовало бы радоваться, что нашлось два такихъ молодца, о которыхъ можно спорить».

Суббота, 5-го іюня 1825.

Гете сказалъ мнѣ, что у него былъ Преллеръ¹⁾, чтобъ проститься; онъ ѣдетъ на нѣсколько лѣтъ въ Италію.

«Вмѣсто благословенія», сказалъ онъ, «я далъ ему совѣтъ не сбиваться съ пути, и держаться постоянно Пуссена и Клода Лоррена; раньше всего изучить творенія этихъ двухъ великихъ живописцевъ, чтобъ понять, какъ они смотрѣли на природу и пользовались ею для выраженія своихъ воззрѣній и ощущеній. У Преллера замѣчательный талантъ, и я на его счетъ спокоенъ. Притомъ, у него очень серьез-

¹⁾ Веймарскій живописецъ, директоръ академіи.

ный характеръ, и я почти увѣренъ, что онъ скорѣе склонится на сторону Пуссена, чѣмъ Клода Лоррена. Я, впрочемъ, особенно рекомендовалъ ему изучать послѣдняго, и не безъ основанія. Въ дѣлѣ развитія художника происходитъ то же, что при развитіи всякаго таланта. Наши сильныя стороны въ извѣстной степени развиваются сами собою, но тѣ зачатки и способности нашей природы, которые внѣ нашего обиходнаго направленія и не такъ сильны, требуютъ особаго ухода для своего развитія. Такъ, у молодого пѣвца, какъ я говорилъ не разъ, нѣкоторыя ноты могутъ быть отъ природы такъ хороши, что лучшаго и желать не слѣдуетъ; но другія ноты въ его голосѣ могутъ быть менѣе сильны, чисты и звучны. Но и ихъ, при помощи особыхъ упражненій, онъ долженъ довести до того, чтобъ онѣ сравнялись съ другими.

«Я увѣренъ, что Преллеру¹⁾ сразу будутъ удаваться сюжеты серьезные, величавые, быть можетъ даже суровые. Но еще вопросъ: будутъ ли ему удаваться сюжеты ясные, граціозные, милые, а потому-то я особенно и налегалъ на изученіе Клода Лоррена, дабы онъ могъ развить въ себѣ то, къ чему, быть можетъ, онъ не расположенъ по природѣ. Я обратилъ его вниманіе еще на одну вещь. Я видѣлъ очень много его этюдовъ съ натуры. Они превосходны, все схвачено живо и сильно; но то все были этюды отдѣльныхъ предметовъ, которые впослѣдствіи, въ его картинахъ, мало ему пригодятся. Поэтому я и совѣтовалъ ему никогда впредь не ри-

¹⁾ Дѣйствительно, Преллеръ, въ числѣ другихъ серьезныхъ и величественныхъ произведеній, слѣлалъ рядъ весьма замѣчательныхъ рисунковъ къ *Одиссѣю* Гомера.

совать съ натуры одиночныхъ предметовъ, какъ на-
примѣръ одного дерева, или груды камней, или хи-
жины, но непремѣнно срисовывать и задній планъ,
и окружающіе предметы. И вотъ почему. Въ при-
родѣ мы не видимъ ничего, какъ отдѣльный пред-
метъ, но видимъ все въ совокупности съ чѣмъ ни-
будь другимъ,—съ тѣмъ, что находится передъ и за
нимъ, выше или ниже его. Правда, отдѣльный пред-
метъ можетъ броситься намъ въ глаза, какъ осо-
бенно живописный; однако, такое впечатлѣніе за-
виситъ не просто отъ этого предмета, но отъ со-
вокупности, въ которой мы его видимъ: отъ того
что подлѣ и сзади него, или надъ нимъ.

«Такъ, гуляя, я могу наткнуться на дубъ, кото-
рый поразитъ меня своей живописностью. Если я
срисую только его, то, быть можетъ, онъ покажется
вовсе не такимъ, какъ сперва, именно потому, что
будетъ не доставать того, что способствовало его
живописности въ природѣ и, такъ сказать, выдвигало
его. Такъ, уголокъ въ лѣсу можетъ быть хо-
рошъ именно потому, что этому способствуетъ это
небо, этотъ воздухъ и данное положеніе солнца.
Если же я все это опушу въ рисунокъ, то онъ, мо-
жетъ быть, потеряетъ всю силу, лишится особой
прелести и оставитъ зрителя равнодушнымъ.

«И вотъ еще что. Ничто не можетъ быть пре-
красно, если оно не мотивировано правдиво и со-
гласно съ законами природы. Но для того, чтобъ
натура явилась въ картинѣ правдивой, необходимо,
чтобъ были воспроизведены всѣ дѣйствующія при-
чины. Я вижу близъ ручья красивые камни; тѣ части,
которыя выставляются на воздухъ, живописно одѣты
зеленымъ мохомъ. Но мохъ образовался не отъ
одной влажности; быть можетъ, тому способство-

валь сѣверный склонъ или тѣнь деревьевъ и кустовъ. Если же эти содѣйствующія причины я выпущу на картинѣ, то въ ней не будетъ правды, не будетъ особой убѣдительности.

«Такъ, на развитіе дерева имѣютъ большое вліяніе его положеніе, родъ почвы подъ нимъ, другія деревья позади или около него. Дубъ, стоящій на открытой западнымъ вѣтрамъ вершинѣ скалистаго холма, приобретаетъ совсѣмъ иную форму, чѣмъ тотъ, который зеленѣетъ на мягкой почвѣ, защищенной отъ вѣтровъ долины. И тотъ, и другой могутъ быть по-своему прекрасны, но совершенно различнаго характера, а потому и въ художественно задуманной картинѣ могутъ быть изображены только въ той обстановкѣ, въ какой находятся въ природѣ. А потому для артиста весьма важно, рисуя окружающіе предметы, указать эту естественную обстановку. Разумѣется, было бы глупо рисовать при этомъ всѣ прозаическія случайности, которыя не имѣютъ вліянія ни на форму и развитіе главнаго предмета, ни на его мгновенную живописность. Я сообщилъ Преллеру главнѣйшія изъ этихъ мелочныхъ указаній, и увѣренъ что, при его прирожденномъ талантѣ, они въ немъ укоренятся и принесутъ плодъ».

Суббота, 11-го іюня 1825.

Сегодня за обѣдомъ Гете много говорилъ о книгѣ майора Парри о лордѣ Байронѣ. Онъ очень хвалилъ еѣ и сказалъ, что въ этомъ изображеніи, какъ лордъ Байронъ, такъ и его идеи являются въ болѣе полномъ и ясномъ видѣ, чѣмъ во всемъ донинѣ о немъ писанномъ.

«Майоръ Парри», продолжалъ Гете, «самъ дол-

женъ быть человѣкъ весьма замѣчательный, даже высокой души, иначе онъ не понялъ бы такъ ясно своего друга и не описалъ бы его съ такимъ совершенствомъ. Особенно одно мнѣніе въ его книгѣ показалось мнѣ и любезнымъ, и желательнымъ; оно достойно древняго грека, достойно Плутарха. «Благородному лорду», говоритъ Парри, «не доставало тѣхъ добродѣтелей, которыя такъ украшаютъ людей средняго сословія; ихъ ему помѣшали пріобрѣсти его происхождение, воспитаніе и образъ жизни. Всѣ же неблагопріятныя къ нему критики принадлежатъ къ среднему сословію, и они, осуждая его, сожальютъ, что не находятъ въ немъ того, что имѣютъ причину цѣнить въ самихъ себѣ. Эти честные люди не принимаютъ въ расчетъ, что лордъ Байронъ, по своему высокому положенію, обладалъ такими достоинствами, о которыхъ они не могутъ себѣ составить и понятія». Ну, какъ вамъ это нравится? Не правда ли, такія вещи не часто приходится слышать?

— Я радуюсь, отвѣчалъ я,—что вы открыто выражаете мнѣніе, которымъ сразу и навсегда ослабляются и побиваются всѣ мелкіе хулители и разрушители славы высокопоставленнаго человѣка.

Затѣмъ мы говорили объ историческихъ сюжетахъ по отношенію къ поэзіи, и именно о томъ, насколько исторія одного народа можетъ быть удобнѣе для поэта, чѣмъ другого.

«Поэтъ», сказалъ Гете, «долженъ избрать частный случай, и, если онъ нормаленъ, то при помощи его онъ можетъ изобразить нѣчто общее. Англійская исторія превосходна для поэтическаго изображенія, потому что въ ней есть нѣчто дѣльное, здоровое, а потому и общее, то есть часто повторяю-